

ДЭН РАЙТ

ПРОРОК

Дэн Райт

Пророк

«Издательские решения»

Райт Д.

Пророк / Д. Райт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-596885-2

Джейк Салливан — молодой, талантливый маркетолог строит карьеру в крупнейшей корпорации в самом большом городе на Земле, тоннами пожирающем сердца и души людей. Джейк продвигается по карьерной лестнице, отлично зарабатывает, посещает вечеринки в компании лучшего друга и в целом ведет легкомысленный образ жизни. Однажды Джейк получает письмо на электронную почту от девушки, которую когда-то любил и которая ушла от него 7 лет назад. Элизабет приехала в Биг Сити и предлагает встретиться. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-596885-2

© Райт Д.

© Издательские решения

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	6
Благодарности	7
Предисловие	8
Часть 1. Джейк	9
Глава I	9
Глава II	26
Глава III	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Пророк

Дэн Райт

Дизайнер обложки Дэн Райт

© Дэн Райт, 2024

© Дэн Райт, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0059-6885-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДИСКЛЕЙМЕР

Данная книга является художественным произведением, не пропагандирует и не призывает к употреблению наркотиков, алкоголя и сигарет. Книга содержит изобразительные описания противоправных действий, но такие описания являются художественным, образным и творческим замыслом, не являются призывом к совершению запрещенных действий. Автор осуждает употребление наркотиков, алкоголя и сигарет. Пожалуйста, обратитесь к врачу для получения помощи и борьбы с зависимостью.

Благодарности

Благодарю любимого брата за помощь в публикации этой книги!
А также благодарю всех, кто принимал какое-либо участие в создании этого произведения. Только вы сами знаете, сколько сил вложили в моё творчество.

Предисловие

Привет! Рад тому, что эта книга оказалась у тебя в руках.

«Пророк» – мой самый скандальный и многострадальный роман. Вместе с тем это самая смешная и лёгкая для чтения книга из всех, что я написал.

Как ни прискорбно, в этом произведении видят пропаганду чего угодно, но только не то, чем оно является на самом деле: книгой, в основе которой лежит осмысление ветхозаветной истории о пророке Ионе – человеке, который послушался Бога. Но в конце концов он стал тем, кем ему было предопределено стать. Эта книга о любви, призвании и настоящей дружбе, хоть это и неочевидно на первый взгляд)

Я писал эту книгу под музыку, поэтому я разместил в тексте названия треков, соответствующих конкретным сценам. Вот так:

Трек: Clockwork – Hyper

Чтобы твоё погружение было максимальным, забей название трека в удобную музыкальную платформу, не забудь поставить на репит и приятного чтения!

Часть 1. Джейк

Глава I

Трек: Clockwork – Нурет

Я выдыхаю дым на этот город неудачников. Подношу сигарету к губам и делаю ещё одну затяжку, но не отвожу от города глаз. Его объяла ночь, но он не спит. Отсюда он кажется таким красивым – миллиарды огней переливаются вниз, они повсюду, куда ни глянь. Они уходят к горизонту, но не заканчиваются даже за ним. Это самый большой город на Земле – мы так его и называем – Биг Сити. Но это всё ложь. Стоит лишь спуститься вниз, и это становится ясно. Это самая большая мусорка на планете – сюда съезжается сброд со всего грёбаного света. Разложение. Бедность. Коррупция. Здесь самый большой уровень разницы в доходах и смертности от наркоты. Тут обычная картина: если какая-нибудь модная чикуля в красных каблучках за двадцать тысяч баксов при выходе из своей люксовой тачки вступит в говно и тут же выбросит их в ближайшую мусорку, а уже через минуту ты видишь эту обувь на бомжихе лет шестидесяти, которая даже не удосужилась стереть с них дерьмо. Этот город похож на старую деву, которая сдохла от передоза в своем загородном особнячке и провалялась в нём неделю. Её домашние питомцы хорошенько поразвлеклись с ней, но родственнички не поскупились на услуги танатокосметолога (чувак, что наводит трупам марафет), так что в темноте можно подумать, что она даже неплохо выглядит...

– Джейк!

О, извините – это меня. Я делаю ещё затяжку, оборачиваюсь и говорю:

– Что?

В дверях стоит броская брюнетка в мини-юбке или мини-платье – чёрт знает, как это назвать – короче, тот тип одежды, который с трудом прикрывает даже самое необходимое.

– Что, что? Тебя все потеряли. Пошли давай! Хватит отшельника из себя строить.

Это Рейчел... или... да, вроде бы Рейчел. Она делает шаг на просторный балкон и распахивает дверь на полную. На улицу вырывается шум вечеринки – долбящее техно. Она стоит, как недовольная школьница, одна рука в бок.

– Да, сейчас, – отвечаю я и делаю ещё две короткие затяжки перед тем, как щелчком пальцев отправить окурок за ограждения. Искры, как фейерверк, разлетаются во все стороны, а бычок растворяется во тьме – тьме, которая окутала этот город и никогда его не покидает. Не то чтобы здесь не вставало солнце, но даже его лучи не могут прогнать этот подвальный смрад. С этим городом что-то не так. С ним всегда было что-то не так...

– Пойдем, – говорю я и беру Кристи за талию, вернее чуть пониже, и мы возвращаемся в шум... Стоп. Это не Кристи. Кристи – это та блондинка, она выходит из толпы к нам навстречу, и её тонкий голосок пытается перекричать лютый бас, что долбит мне в уши:

– Вот вы где! Я вас везде искала! Куда вы пропали?!

Кристи сходу проскальзывает мне под вторую руку, и мы идём к барной стойке через холл пентхауса, доверху забитый оббуханной, обдолбанной, обторченной толпой. Я чувствую электростатическое напряжение между этими двумя гарпиями – они прямо сдавливают меня бёдрами. Белая и чёрная. Их хищные взгляды пересекаются у меня за спиной. Кажется, фронт их борьбы за моё тело, сердце и душу пронизывает меня насквозь. Я чувствую – они готовы разорвать меня на части.

Кристи кричит мне на ухо через удары баса:

– Нахрена тебе такие волосы?

Её пальцы соблазнительно скользят от шеи на затылок. Она кричит:

– Я крашусь раз в две недели, чтобы держать такой цвет!

Кристи наматывает мои локоны на пальцы. А мама в детстве говорила, что я ангел. Рейчел нервничает, она берёт меня за талию. Чувствую, как её когти впиваются мне в бок. Кристи кричит противным голосом:

– Ты знаешь, что натуральных блондинок практически не осталось?! Только в Швеции, но они там все похожи на мужиков!

Мы идём через холл. Я смотрю на пробор Кристи – корни уже тёмные. Смотрю на пробор Рейчел – у неё светлые. Кажется, у неё к тому же линзы. Она смотрит через них так жадно. А ещё у неё накаченные губы, грудь и ярко оранжевые накладные ногти. Впрочем, как и у другой. Фальшивки. Они из тех девчонок, что на утро не узнать. Её когти впиваются мне в бок ещё сильнее, а Кристи держит меня за волосы. Думаю, если я попытаюсь вырваться, у меня ничего не выйдет. Слава Богу, что мы уже у стойки.

Я кричу:

– Выпить хотите?

Рейчел мотает головой, Кристи орёт мне в ухо:

– Не, я уже пять коктейлей проглотила.

Ну и отлично.

– А я возьму себе что-нибудь!

Ловко выскальзываю у них из рук. Прямо полегчало. Я у стойки, наваливаюсь на неё и машу бармену рукой. Он достаёт лёд из ледогенератора. С недовольным лицом подходит, ставит графин, полный ледышек, на стол и кивает мне головой, будто я ему чем-то обязан.

– Дай чё-нить попить, – ору я.

Такое ощущение, что музыка здесь играет одна и та же. И за что только диджею платят? А за спиной я чувствую два пристальных взгляда...

– Чё именно?! Виски, джин, вино, водка?! – парень вытирает руки белым полотенцем, которое секунду назад лежало у него на плече. Я почти его не слышу.

Задумываюсь. Вспоминаю, какое дерьмо закинул в себя за сегодня. И решаю:

– Дай воды, просто воды!

– Воды? – парень искренне удивляется.

– Да, мать твою, воды!

– Если только из-под крана, – кричит он и объясняет: – Всё на лёд ушло! Последнюю партию в ледогенератор тоже водопроводную заправил!

Ну уж нет, так не пойдет. В этом городе нельзя даже нюхать воду из-под крана. Ходят слухи, что на месте города было какое-то захоронение или нелегальная свалка отходов, чёрт пойми. Но вся земля вплоть до артезианских вод насквозь пропитана заразой. Никакой фильтр не спасает. Поставщики питьевой воды такие деньги зашибают – цены в три раза выше, чем в ближайших городах. Я продолжаю:

– А содовая, что-нибудь такое, есть?!

– Тоже выдули, скоро привезут!

– Господи, дай же мне хоть что-нибудь, хотя бы молоко!

– Да, кстати, – отвечает парень, – молока полно! – И идёт к холодильнику.

Я наваливаюсь локтем на стойку и оборачиваюсь. Осматриваю холл: повсюду мерцает светомузыка, хотя в помещении не так уж и темно, а толпа колбасится с басом в такт. Девчонки тоже чуть подпрыгиваются. Кристи оценивающе высматривает кого-то в толпе, а Рейчел не сводит с меня глаз. На её лице появляется улыбка, когда она встречает мой взгляд.

– Возьми!

Бармен толкает меня в локоть и ставит рядом бокал, до краёв наполненный молоком, – по его поверхности пробегает рябь от толчков сабвуфера.

– Ага, спасибо!

Я хватаю бокал, прикладываю к губам и подхожу к девчонкам. Я кричу:

– Где Нельсон?

Нельсон – это мой друг. Они орут в один голос:

= Что!?

Это его пентхауз. И его вечеринка.

– Нельсон где!?

У него сегодня юбилей.

Рейчел вертится по сторонам, а Кристи – умничка – показывает пальцем куда-то вверх, куда-то за меня. Я оборачиваюсь и вижу: на балконе второго этажа стоит Нельсон и машет мне рукой. Он переваливается через перила и, кажется, вот-вот рухнет. На роже широченная улыбка, а его пятицентовые зрочки подсказывают мне, что он уже опробовал мой подарок.

Он машет рукой и что-то кричит, но ничерта не слышно. Я демонстративно подставляю ухо, типа «нихрена не слышу», и тоже машу ему рукой, только если его жест в стиле «эй, привет», то мой: «слышь, иди сюда».

Он кивает и направляется к лестнице, пробиваясь через толпу – толпу людей, которые, по большому счёту, не знают его, но пришли к нему на вечеринку. Так с Нельсоном всегда, он любит новые лица, а ещё больше – быть в центре внимания. Возможно, вы тоже знаете его, он мелькает то тут, то там по телеку и в сети – он один из тех людей, кто никогда не замолкает и может говорить так быстро, как аппарат дантиста (зззззз), настолько быстро, что кажется, это скоростная перемотка (фффффф), настолько быстро, что иногда кажется, что у тебя вот-вот вскипят мозги. Но за это его и ценят – он телеведущий. Что? Правда? Не слышали о нём? Тогда спешу представить: Нельсон Гой – на него направлена камера, у него в руках микрофон, и ему за это платят деньги. Большие деньги. Но поверьте, он из тех, кто готов делать это бесплатно. Поэтому он так хорош. Он неуверенно спрыгивает с последней ступеньки, идёт навстречу и лезет обниматься. Старая пьянь.

Я похлопываю его по мягким бочкам и пытаюсь не залить его модный смокинг молоком, а он орёт мне в ухо:

– Это просто охрененно, братан!

Сначала Кристи, теперь он. У меня скоро лопнет перепонка.

– Просто атомная бомба! Где взял?!

Это он про мой подарок. Заглядываю ему в глаза. Он и вправду прётся. Для меня это прям комплимент – ведь его, моего маленького Нельсона (это я его так называю), уже ничего не берёт. Он из тех парней, которые от кончиков пальцев до самого последнего нейрона пропитаны кислотой и ТГК. Думаю, в каждой клеточке его организма содержится пожизненный запас этого дерьма. Он постоянно рассказывает, как его флешбечит, даже когда он ничего не принимал.

Иногда это происходит прямо перед камерой, во время эфира:

– Это моя фишка, – объясняет он. – Это делает мои интервью незабываемыми!

Только представьте: Нельсон что-то спрашивает, собеседник что-то отвечает, но тут Нельс на пару секунд зависает – видно, как процесс пошёл, человек, у которого он берёт интервью, ничего не понимает, оператор машет Нельсону рукой. Но тут он резко оживает, оглядывается по сторонам и задаёт какой-нибудь идиотский вопрос, в стиле:

– А как твоя мамаша поживает?

– Как думаешь, что бы было, если б Нельсон Мандела не сдох?

Это его любимый политический деятель, сами догадайтесь почему.

– Что думаешь по поводу идей Канта?

– Пробовал мастурбировать через пылесос?
Всё в таком духе...

Я отвечаю ему, глядя на собственное отражение в его расширенных во все глаза зрачках:
– Это под заказ. Из гребаной Азии привезли!

Он нарушает все границы моего личного пространства и подбирается губами прямо к уху. Нельс шепчет, но его шёпот всё равно больше похож на крик:

– Как тебе девочки? – он косится на них через моё плечо. – Шикарные, правда?

Я оборачиваюсь на них. Белая и чёрная. Это он познакомил меня с ними. Он постоянно знакомит меня с тёлками. Как будто я и сам не могу. Он говорит:

– Ты только глянь на них, они лучшие из агентства! Просто бомбы!

Кристи и Рейчел ловят на себе наши косые взгляды. Вы, наверно, неправильно поняли – эти девочки, больше похожие на порноактрис, не из эскорта, они – модели. По роду своей профессии Нельсон знает их всех. Он имеет непосредственный доступ к лучшим. И как заправский сутенёр постоянно подкидывает мне новых. У него и самого есть такая, пухлогубая евреечка – Кери Хершлаг, она где-то наверху. Они вроде как обручены, но это не мешает ему развлекаться на стороне каждую неделю.

– Я сказал им, что ты свободен, так что давай, дерзай!

Ну спасибо, друг. Уверен, что он ещё добавил:

– ...он хорош собой...

– ...не глуп...

– ...и хорошо зарабатывает...

Два первых не в счёт. А вот «свободен» с привязкой «хорошо зарабатывает» для этих цып, как красная тряпка для быка. Гарпии. Даже если ты просто «хорошо зарабатываешь», проблем не оберёшься, но если ты к тому же «свободен», разорвут на куски – не пожалеют. Кажется, в этих модельных школах их только этому и учат – на взгляд определять доход потенциальных жертв. Им только этого и надо, только так они могут добиться своего...

– Хватит из себя уже недотрогу корчить! – Нельс продолжает орать мне в ухо. – Тебе пора завести взрослые отношения!

В последнее время он этой идеей просто одержим – хочет заставить меня с кем-нибудь встречаться. Это всё началось после появления той пухлогубой евреечки – Кери Хершлаг. Эти сумасшедшие мечтают парочками куда-нибудь ходить. Совсем долбанулись.

– Что это у тебя?! – спрашивает он, увидев в моей руке бокал.

Я демонстративно делаю глоток и отвечаю:

– Молоко.

– Молоко? Надеюсь, оно без лактозы? Это очень вредно, братан!

Нельсон с трудом складывает слова и еле стоит на ногах. Он подзывает девочек и наваливается на одну из них, Кристи тяготится под его весом. Он орёт:

– Как вам?! Шикарная туса, правда?!

Рейчел, поджав подбородок, кивает, Кристи кричит ему в ответ:

– Мне чёт скучно! – говорит, а сама смотрит в другую сторону, – и народ какой-то тухлый! – у неё недовольное лицо. – Может, рванем куда-нибудь в клуб?!

Пока она не видит, Нельсон стоит рожу в стиле: «Ну даёт», а сам отвечает:

– В клуб, говоришь? Сейчас что-нибудь придумаем.

Он закусывает губу, имитируя мыслительный процесс. Чувствую, мой дружок снова окажет мне медвежью услугу.

– А давайте! Оторвёмся и там! Погнались, да?

Я развожу руками.

– Только езжайте вперёд, в наше место, – он подмигивает мне. – А я тут по-быстрому, и сразу к вам!

Говорил же – подстава.

– Вот и отлично, тогда увидимся там!

Он мотает меня за шею, а Кристи говорит:

– Только подождите меня. Я сумочку где-то забыла.

Как только она отходит, Рейчел ей кричит:

– Мы подождём тебя внизу! Я устала от этого грохота!

На что ловит на себе презрительный взгляд. Тогда Нельсон подталкивает её ко мне и направляет нас к выходу:

– Идите-идите! А это отдай мне!

Он забирает у меня бокал.

Кристи приобнимет меня, а Нельс за её спиной показывает на себе её дойки.

Он улыбается, а когда мы отходим, делает глоток молока, но тут же корчит рожу и отравляет его фонтаном на пол. Ха-ха.

– Блять, лактоза! – он вытирает губы рукавом.

Выхожу первым в коридор и сразу сворачиваю направо. Дверь хлопает где-то за спиной и обрубает грохот. Фухх – наконец-то тишина. Только приглушённые удары баса всё ещё раздаются за стеной. Длинноногая курица идёт чуть позади. Она вышагивает, точно на показе. Это вызывает у меня усмешку: «Хмм». Подхожу к лифтам, жму кнопку, значок «стрелка вниз» загорается зелёным, а наверху начинается отсчёт.

– Ну и наглая она, – раздаётся за спиной.

Я оборачиваюсь:

– Кто?

– Кристи. Мы работаем вместе. А я, по правде говоря, таких вообще не выношу.

Да? По-моему, вы стоите друг друга. Рейчел продолжает:

– Она из пригорода какого-то, по ней сразу видно – деревня.

Она говорит и постоянно хлопает фальшивыми глазами.

– А ты откуда?

Спрашиваю я и гляжу на неё.

– Я? Из соседнего города Нью-Фарса. Но перебралась сюда в тринадцать.

В тринадцать? С ума сойти, с 13 лет в этой мусорке, в этом городе греха и разврата...

– И как? Нравится, чем занимаешься?

– Ну, как сказать. Когда как.

Она отводит глаза. И добавляет:

– Все эти показы и съёмки... иногда очень утомляет.

Правда, только это? Да, кстати, нужно будет проскролить порносайты, может, найду пару видео с ней.

– А ты чем занимаешься? – интересуется она.

Хороший вопрос, я задумываюсь и смотрю на неё:

– Если честно, хернёй какой-то.

– Правда? – удивляется она. – И за это платят деньги?

– Ещё какие, – поднимаю бровь.

И всё-таки наивная баба. По мне, так только за всякую херню деньги и платят. Особенно в этом городе. Снял ролик для тупорылых подростков и залил его на хостинг – заработал денег, втюхал какое-то дерьмо лоботомированным жертвам потребительства – ещё. Захотел спасти беднейшую часть мира от голода и решить энергетический вопрос – будешь жить на минимальные госсубсидии в маленькой квартирке с мамой до пятидесяти.

Кажется, Рейчел заскучала: она бегаёт языком по зубам и пялится через голубые линзы на отсчёт.

Но тут:

«Дзинь».

И двери открываются у меня перед носом.

Я захожу в лифт первым. По пути шёлкаю по кнопке – первый этаж. Стук каблучков следует за мной. Я дохожу до дальней стенки и, навалившись на поручни, начинаю оборачиваться. И тут даже вздрагиваю немного, перед тем как понять: ну я простачок, сам себя загнал в угол – Рейчел, как вампиресса из чёрно-белых фильмов ужасов, каким-то чёртом оказывается у меня прямо за спиной. Она смотрит, не моргая, своими фальшивыми глазами в моё, слегка растерянное, лицо. Её сладкий парфюм проникает мне в нос.

Двери начинают закрываться за её спиной. Мне кажется, вместе с ними вокруг меня смыкаются стены и потолок. Она всё ближе. Всё – попался.

Её пухлые губы шепчут, но уже не важно, что.

Я ей что-то отвечаю в стиле:

– Уверяю тебя. Это лучшее место в городе.

Она уже касается меня...

Кожа на её спине на ощупь нежная, как шёлк.

А помада ядовито-красного оттенка.

Ну кто же может устоять?..

* * *

Я снова курю. Вниз по улице видно, как полная жёлтая луна плывёт над ночным городом. Она висит между домов прямо над дорогой и скользит среди хмурых облаков. Выглядит зловеще. Рейчел курит рядом. Мы пускаем дым вдвоём и ждём машину, которую любезно вызвал портё за стойкой в холле. У Рейчел размазана помада по лицу, но об этом я ей говорить, конечно, не буду – посмотрим, как на это отреагирует Кристи.

Из-за поворота появляется черная машина, кажется, наша. Рейчел спрашивает:

– Ты же сядешь рядом?

За спиной раздаётся цокот.

– Он сядет между нами! – заявляет выходящая из стеклянных дверей Кристи.

Я оборачиваюсь на неё: сумочка с цепочкой на плече и декольте до живота. Не нравится мне эта идея – сидеть между ними, но мне везёт. Машина подъезжает, я открываю дверь и заглядываю внутрь. Обожаю эти люксовые тачки:

– Девчонки, тут консоль во всё среднее сиденье, так что я сяду вперёд, а вы вдвоём назад, – говорю.

И подаю Рейчел руку. У неё мягкая ладонь, а по надутым, как у утки, губам Кристи понимаю – она заметила помаду. Закрываю дверь и предлагаю ей:

– Тебя проводить?

– Я сама, – и недовольно закатывает глаза в стиле: «Да пошёл ты».

Я ухмыляюсь ей вслед. Она обходит машину, виляя задом, который подсвечивают красным габаритные огни, и недовольно хлопает дверью. Я тоже уже в авто и говорю:

– Нас в HellG. Знаешь, как ехать?

– Разумеется, босс, – говорит здоровенный чёрный парень в фуражке водителя и нажимает на газ. Звук мотора не слышно, потому что это электромобиль. Терпеть их не могу. Не покидает ощущение, что ты сидишь в игрушечном авто – звучит свист дросселей, и всё.

Слышу позади себя:

– На, возьми, – Кристи достаёт из сумочки салфетку и брезгливо протягивает, держа между двух пальцев. – У тебя там помада на всём лице.

Рэйчел, как-то растерявшись, берёт салфетку и включает фронталку на смартфоне, в котором сидела секунду назад.

Я наблюдаю за этим в полглаза.

Когда Рейчел приводит себя в порядок, она протягивает салфетку обратно. Но Кристи говорит:

– Не, оставь себе.

Крис сидит, как светская львица: нога на ногу, локоть упирается в окно, а пальцы в висок. Она обводит Рейчел взглядом с головы до ног.

Что-то мне подсказывает, они не нравятся друг другу.

Кристи замечает меня, и я отвожу взгляд вперёд, но обнаруживаю, что водитель тоже смотрит на меня. Здоровый чёрный громила в кепочке шофёра. Он кидает взгляд на зеркало заднего вида, вполглаза наблюдая за дорогой. Свет проезжающих машин отражается у него на лице. Поглядев на тёлку, он возвращается ко мне и, натянув широченную улыбку во все тридцать два белоснежных зуба, довольно кивает мне. Он смотрит на меня так странно, будто мы с ним знакомы. Может быть, так оно и есть. Может, он уже подвозил меня с других пьяных тусовок Нельсона, но, видимо, я был не в кондиции – в первый раз вижу его лицо. Здоровяк возвращает глаза на дорогу, и в них вспыхивает свет пролетающего навстречу авто. Я тоже отворачиваюсь, но к боковому окну. За ним всё тот же город, только теперь это его настоящее лицо.

Тротуары завалены горами мусора; мимо проносятся грязные подворотни, утопающие во тьме. Повсюду бомжи. Проститутки и дельцы бродят прямо по улицам. Скорая помощь откачивает какого-то нарколога прямо при всех. Неработающие фонарные столбы, свёрнутые набок светофоры, заброшенные магазины и стены разбитых витрин... Столица мира, называется. Но стоит лишь поднять глаза чуть выше, и ты попадаешь в другой мир – во вселенную пестрых билбордов, рекламирующих идеальную жизнь.

Здесь чьи-то соблазнительные ножки, тут реклама аппетитной еды (аж слюнки текут), там толпа счастливых людей с натянутыми улыбками и белоснежными зубами. Фальшивки. И вся это сказка переливается в моче, вытекающей из-под ног старика, который пристроился к стене, чтобы отлить. Мы проносимся мимо, но старик, кажется, замечает мой взгляд.

Да, вся это идеальная жизнь не для таких, как он. Она для кого-то другого, но не для него...

Через десять-пятнадцать кварталов водитель жмёт на тормоз и припарковывает авто. Девчонки сзади сидят и смотрят в телефоны. Нежный свет отражается на их выточенных лицах. Я тоже тяну руку за смартфоном, чтобы расплатиться, но водитель останавливает меня и говорит:

– Этого не нужно. Все поездки из сто первого пентхауса оплачивает мистер Гой.

Как любезно с его стороны. Я киваю и выхожу из авто.

За спиной хлопают две двери. Я иду в подворотню неподалёку, а сам думаю: как же приятно не расставаться с баблом. Забавно, сколько бы денег у тебя не было, когда их отдаёшь, всё равно испытываешь мерзкое ощущение, будто под ложечкой сосёт. Говорят, это как-то связано с зонами в мозгу, отвечающими за боль, – островковыми долями. Ощущение при трате денег схоже с тем, когда к тебе подходит медсестра со шприцом и собирается сделать укол, и чем больше сумма, с которой предстоит расстаться, тем больше игла, которую в тебя собираются всадить.

При входе в подворотню стоят ржавые ворота из прутьев без створ. Наверху горят красным покосившиеся неоновые буквы «HG». Я прохожу за них, громила на входе открывает передо мной двери в клуб. Он кивает и говорит:

– Добро пожаловать, мистер Салливан.

Он называет меня по фамилии, потому что знает, кто я такой, – я здесь завсегдатай. Я оставил тут такую кругленькую сумму, что без проблем мог бы сам открыть на неё клуб, и намного круче, чем эта дыра.

Громила спрашивает:

– Девушки с вами?

Я киваю:

– Ага.

Особенностью этого места является то, что им заправляют очень серьёзные люди. И даже если у тебя денег куры не клюют, это ещё не значит, что тебя пропустят. Это своеобразный Ватикан большого города, Нассау Вест-Индии – здесь свои правила и свои законы, и то, что происходит в этом месте, навсегда остаётся в нём.

Трек: ALEX & TOKYO ROSE – Antagonist

Я занываю внутрь: звуки улицы остаются позади. Темно, только светодиодные полосы ползут по стенам и по краям ступенек, спускающихся вниз. Оттуда доносится музыка, как раскаты грома. Я спускаюсь. Попадаю в длинный коридор. На стенах неоновые кресты, а в конце мерцает свет, как вспышки молний. Из-за поворота появляется официантка, она идёт навстречу. В одной руке у неё поднос, второй она крутит хвост, как у чертёнка, на лице люминесцентная красная помада, а в глазах линзы, флюоресцирующие огнём. Проходя мимо, она подмигивает мне, я улыбаюсь и провожаю её взглядом. Пялюсь на зад. Это Джесси – мы знакомы, пересекались пару раз. А сзади идут девчонки, о чём-то говорят.

В конце коридора я сворачиваю направо и попадаю сразу в зал: он забит народом, настоящая колбасная, лазерные установки пускают полосы повсюду, толпу качает лютый бас. Я продолжаю двигаться по периферии и направляюсь к винтовой лестнице на второй этаж. Я дожидаясь прекрасных дам, галантно подаю им руку, пропускаю вперёд себя (так вид лучше), и поднимаюсь вслед за ними. Пока я стоял с протянутой рукой, Крис так недовольно посмотрела на меня, но сейчас продолжает старательно вертеть задом.

Мы наверху. Это широкий балкон. Девчонки занимают свободный столик неподалёку и располагаются на диване вдоль стены, но я не иду за ними, я иду к ограждениям балкона и, навалившись на них, окидываю взглядом танцпол. Настоящий дикий рейв. Толпы людей в экстравагантных костюмах колбасятся в такт, и только один парень в кепке посередине ведёт себя как-то не так. Толпа отступила от него на пару метров, а он запрокинул голову и, не отрывая взор закрытых глаз от потолка, производит трансобразные движения, словно качается на волнах. Парень будто в прострации, но я знаю, что с ним происходит. Я уже видел такое, и не раз. Это старый добрый Фентанил. Парень в кепке в самом центре танцпола – он просто не здесь, он в эйфории, абонент не доступен, перезвоните позже...

– Добро пожаловать во Врата! – приветствует меня официантка-чертёнок со спины и перекрикивает шум: – Хотите что-нибудь заказать?

Я оборачиваюсь.

– Да! Девчонки, наверно, хотят выпить, а мне позовите сомелье!

– Конечно, он освободится и сразу к вам!

Она что-то нажимает на смартфоне в чехле у себя на поясе, подмигивает и уходит к Крис и Рейчел на диване. Одна смотрит по сторонам, другая пялится в телефон.

А я возвращаю взгляд на танцпол.

Если что, сомелье – это не тот чувак, который вино всем раздаёт. Тут всё куда интересней.

Опускаюсь локтями на перила и всё гляжу на покачивающуюся толпу.

Я же упоминал, что это не совсем обычное место, правда? Так вот, здесь можно достать всё, что угодно. В этом заведении в наличии альбомы с марками, гербарии из пятилистников и гербов, в подвале банки, полные фиолетовых шишек, и вино из листьев коки. А сомелье

здесь тот, кто барыжит всем этим дерьмом. Вот кстати и он. Мне повезло: это тот, кто надо. Впрочем, мне всегда везёт – по-другому и быть не может.

Молодой рыжий парень с небольшой бородкой взбегаёт по винтовой лестнице на балкон: – Джейк! – он вскидывает руки. – Здорово, чувак!

Это Шон. Мы давно знакомы. Не сказать, что он мой друг. По большей части это Нельсона приятель, но всё равно.

Я отрываюсь от перил, а он идёт ко мне. Даёт краба и приобнимает меня. Я спрашиваю:

– Ну чё, ты как?

– Всё путём, работаем потихоньку!

Да уж, такого работничка я бы никогда не нанял. Я приглядываюсь к его глазам и убеждаюсь: зрачки, как обычно, под огнём. Я спрашиваю:

– Привезли то, о чём ты упоминал?

Лицо человека-морковки расплывается в широченной улыбке:

– Ты как всегда сразу к делу! Но мне нравится это в тебе!

Он тычет мне в грудь указательным пальцем.

– Ну так что? – дожимаю я.

– Привезли, привезли! Буквально позавчера! Но я уже успел попробовать чуток! Тебе понравится! Пойдём в наш тайный уголок!

Он кивает в сторону лестницы. Я говорю:

– Подожди, сейчас!

Под тайным уголком он имеет ввиду толчок. Я подхожу к девчонкам и кричу, перевалившись через стол:

– Я ненадолго отойду!

Кристи слышит, но даже не смотрит на меня, а Рейч недовольно надувает губы. Она провожает меня взглядом своих фальшивых глаз. Я возвращаюсь к подтанцовывающему Шону, он спрашивает:

– Эти куколки с тобой?!

Он вытягивает длинную шею из-за меня:

– Познакомишь?!

Я подталкиваю его к лестнице в плечо:

– Забуди! Их не интересуют висюльки с доходом меньше, чем с шестью нулями в год!

Мы спускаемся вниз, а он, лыбясь во весь рот, орёт:

– Как всегда, облом! Мне даже висюльку свою никуда не пристроить!

– Не расстраивайся, скоро Нельс подъедет! Развлечетесь вдвоём!

Он смеётся и что-то отвечает, но я плохо слышу, что.

Мыходим со ступенек (он первый, я за ним) и ныряем в толпу. Протискиваясь между скачущими телами, мы идём на противоположную сторону танцпола. Вокруг все обдолбанные и колбасятся как не в себя. Диско-пол мерцает под ногами и постоянно меняет цвет. Повсюду куча молодых девчонок, капельки пота переливаются на их лицах в ядовитом свете прожекторов. Когда прохожу мимо, они смотрят на меня, а я никак не могу насмотреться на их пластичные, стройные тела. Вспышки стробоскопов почти ослепляют меня, но мы уже на месте. Мы заходим в багровую маятниковую дверь со значком писающего дьяволёнка, и она ещё несколько мгновений ходит после нас туда-сюда.

Мы в туалете. Я прохожу мимо второй по счёту кабинки и замечаю через высокую щель между полом и дверцей две пары ног. Кто-то кого-то улаживает, опустившись коленями на грязный пол. Звуки тусовки по-прежнему доносятся до меня, но уже приглушённо. Рыжий Шон открывает закодированный шкафчик в стене в самом конце помещения и достаёт оттуда небольшой кейс серебристого оттенка. Он делает пару шагов и грохает его о каменную стойку с раковинами неподалёку от меня:

– Ну что? Доктор Шон сейчас осмотрит тебя!

И подмигивает мне.

Ох уж мне его постановочные сцены. Тупее не найдёшь. Он присаживается на корточки и пытается подобрать пароль:

– Как я уже тебе говорил – это последнее слово техники. Лучший дизайнерский галлюциноген за всю историю! Поверь, детка, такого ты нигде не найдёшь!

Как же он раздражает меня со своей этой «деткой», рыжий гандон. Он крутит колёсики и смотрит то на меня, то на цифры. Всё никак не может подобрать пароль, а всё потому, что язык как помело. Он не замолкает:

– Говорят, его разрабатывали, как боевое отравляющее вещество, чтобы деморализовать врага, но эффект оказался полный улёт! Понимаешь, о чем я? Его испытывали только на коро-вах, крысах и ещё на паре десятков отмороженных, как мы с тобой, ребят. Это чертовщина в сотни раз сильнее лизергиновой, мескалина и DMT...

«Хлоп-хлоп».

Он хлопает в ладоши.

Поднимается, открывает кейс и поворачивает ко мне, а в нём целый набор всякой ерунды, аккуратно выложенной на чёрном пористом материале. Какие-то приборы, весы, электронные измерители и в самом центре – королева вечеринки – стеклянная колбочка, доверху забитая фиолетовыми пилюлями. Он берёт её и демонстрирует мне, как будто это флакон от Шанель:

– Позволь представить... – Шон пытается произнести название, но сбивается и подглядывает на крышку: – НТР-PG3!

И даёт мне подержать, а сам берёт из кейса чёрные хирургические перчатки и продолжает что-то нести, пока я верчу стекляшку в руках и разглядываю в ней перекатывающиеся «малышек»:

– Парень, который рискнул первым попробовать его у нас, назвал это лунным сахаром. Не спрашивай, почему, – Шон дует в перчатку. – Он рассказывал всякую пургу, типа путешествовал в другие миры, разговаривал с богами. Вальгалла, вся эта херня. А я хапнул совсем немного, но было хорошо, как под мискотой. – Рыжик поднимает на меня взгляд, шлёпает резинкой по предплечью, как хирург, и спрашивает меня: – Ну что? А ты готов шарахнуть бомбу?

Я ухмыляюсь, глядя на него, и говорю:

– Уже сажусь в бомбардировщик и несусь на Нагасаки.

– Хороший настрой! Дай-ка мне сюда.

Шон лыбится и забирает склянку.

Он откупоривает её. Берет одну крошку между пальцев и подносит её к моему лицу:

– Здесь всего лишь миллиардная доля чистого вещества, всё остальное только пролонгирует действие лекарства. Давай, детка, скажи доктору: Ааа!

Снова это его «детка», так и дал бы ему леца. Я открываю рот, но он тут же отводит руку назад:

– Только не смей глотать! Оболочка из сверхтонкого желатина, как попадёт на слизистую сразу растворится.

Я закатываю глаза и говорю:

– Давай уже!

Тогда Шон закидывает таблетку в мне в глотку, и я закрываю пасть. Капсула тут же прилипает к языку.

– Теперь смотри, чё делаем, присядь.

Он указывает на стойку. Я сажусь между раковин, закинув одно бедро. Шон берёт из кейса какую-то штуковину, похожую на металлодетектор, а из кармана узких штанов – телефон:

– Эта зараза не проходит ГЭБ¹, так что мы его немножко расшатываем.

И начинает водить у моей башки этой хреновиной, поглядывая в телефон, а у меня во рту разливается жуткая горечь. Я пытаюсь не слотнуть и слежу глазами за палкой, которая пролетает у самых висков.

– У меня тут приложуха, – объясняет он. – Сейчас только нужную зону найдём.

Он всё пялится в экран.

Чувствую, вроде рассосалась, но привкус всё ещё жжёт ротовую полость. Я говорю:

– Так как работает эта херня?

А он поднимает на меня ошарашенный взгляд:

– Ты чё, чувак? Всё испортишь, твою мать!

– Расслабься, всё уже всосалось.

– Ну даёшь...

Он недоверчиво смотрит и мотает головой, но возвращается к телефону.

– Так как? – продолжаю докапываться.

А он всё водит палкой у моей башки и начинает мямлить:

– Ну короче, там это вещество через слизистую попадает в кровоток, потом в мозг и как-то влияет на эпифиз... твою мать, никак не могу найти...

Тут он замолкает и делает сосредоточенный вид, уставившись в экран.

– А дальше-то что? – спрашиваю я, а сам-то знаю, что он нихрена не знает. Только умника из себя корчит. Идиот.

– Ну там в синаптической щели что-то происходит... – он несёт какую-то чушь, про нейромедиаторы говорит, а сам куски слов глотает и всё крутит этой штуковиной вокруг моей башки. Даже начинает раздражать.

Я останавливаю его и говорю:

– Братан, ни черта не понимаю, – и лыбу давлю. – Ты сам-то врубаешься, как работает это дерьмо?

Так после этих слов он руки опускает и возмущённо говорит:

– Джейк, твою мать, я тут вообще делом занят, а ты меня сбиваешь! Сейчас, подожди – всё расскажу.

Вот умора.

– Ладно, ладно, – говорю я, – продолжай, Док.

Он с недовольной рожей возвращается к делу, несёт какую-то ерунду, но через пару секунд снова зависает, а я не выдерживаю (очень уж хочется поиздеваться над рыжим идиотом) и говорю:

– Шон, ты хотя бы действующее вещество-то знаешь?

Он вновь поднимает на меня глаза. О, я вывел его из себя:

– Иди ты в жопу, Джейк! Нет, не знаю! Ты хочешь улететь или нет?

Тут приходится включить заднюю немного – не лишаться же кайфа из-за этой ерунды:

– Конечно хочу, не обижайся, – а сам скалюсь во все зубы. – Так бы сразу и сказал, а то вечно из себя учёного корчишь.

– Слышь, заткнись!

Вижу, он кипятится, но возвращается к делу. А как только прибор оказывается у моей башки, Шон замирает:

– Стоп! Кажется, нашёл...

А я краем уха слышу, как кто-то шушукается у меня за спиной. Видимо, это та парочка в толчке ожила. Человек-каротин говорит:

¹ ГЭБ – гематоэнцефалический барьер. Физиологический барьер между кровеносной системой и центральной нервной системой.

– Только не двигайся. Я эту шишку полчаса искал! Ну что, как тебя жahnуть?

Недолго думая:

– По полной давай.

Ооо, это были роковые слова. Знал бы я, что произойдёт дальше, лучше б промолчал. Хотя бэд-трипило меня не так уж редко, но эту чертовщину я запомнил навсегда. Кажется, именно с этого момента всё в моей жизни пошло наперекосяк.

– Обожаю тебя, чувак, – Шон ухмыльнулся. – Скажи Канзасу: прости – прощай.

Он выкручивает регулятор на экране по полной и щёлкает по нему.

Раздаётся дикий писк. На секунду в голове словно что-то свело, а потом вспышка, и меня как будто больше нет... но это ненадолго... через некоторое время я начинаю возвращаться назад...

Наверно, здесь стоит приостановиться. Вы, наверно, подумали, и подумали, разумеется, верно, что это идиотизм – засунуть в себя фиолетовую таблетку с непонятным веществом. Поднести к голове прибор, изменяющий кровообращение в мозгу за счёт ультразвуковых частот. Я всё это прекрасно понимаю. Признаться, в тот момент я даже не вспомнил, какое дерьмо я уже съел за этот день. И сколько выпил. И мой приятель Шон – опытный наркоман – тоже об этом не алё. Но знаете что? Я такой далеко не один. Вы даже представить не можете, сколько таких экспериментаторов ходит по Земле. Загляните в статистику или в некрологи: в этом чёртовом городе каждый месяц прибавляется по пять-шесть трупов самых неудачных из них. Психоз. Инсульт. Банальный передоз. В тот момент у меня были серьёзные шансы присоединиться к ним. Думаете, кто-нибудь вызвал бы мне скорую? Это наивно. В лучшем случае меня бы подкинули до переулка в паре кварталов от клуба, а утром к моему очоченевшему телу подошёл бы какой-нибудь жирный инспектор и, поглядев в мое лицо с синими, как помада, губами, сказал: «Очередное отравление наркотой», и добавил, обращаясь к своему салаге: «Слышь, поройся там, в мусоре, может быть, ещё кого-нибудь найдёшь».

Но мне в тот вечер повезло, я не очоурился. Вообще мне всегда везёт, иначе бы мой рассказ закончился, даже не успев начаться...

– Эй, как ты? – голос доносился как будто издали.

То, как Шон зовет меня – это первое, что я услышал после того лютого прихода. А дальше я всё очень хреново помню, но я попытаюсь рассказать, как можно подробнее.

– Слышишь меня, нет? – по-прежнему звучало откуда-то издали и так искаженно, что казалось, голос доносится из другой вселенной.

В глазах по-прежнему всё было залито белым светом, и, кажется, я спросил что-то вроде: какого хрена так ярко?

– Мужик, ну же!

Потом понял – у меня закрыты глаза, а когда поднял веки, всё постепенно стало проступать. Но на это потребовалось время: всё тот же тёмный толчок, залитый неоном, я сижу на столе с раковинами, и передо мной человек-морковка. Чтобы узнать его рожу, мне тоже пришлось потратить время, а пространство вокруг ходило ходуном – колбасило, как гармошку.

– Ну! Ответь, раз открыл глаза! – он залезал мне прямо в морду.

Казалось, он стоит довольно близко, но голос доносился приглушённо. Пространство постепенно приходило в норму, но рыжее лицо я видел как через «Фиш-ай» (объектив такой – рыбий глаз).

– Да, да, – ответил ему.

Но, судя по всему, как и в прошлый раз, так ничего и не сказал.

– Твою мать, Джейк! Ты в порядке?!

– Где эффект-то? – промычал я. – Что это за ерунда?

К тому моменту мой слух и зрение пришли в норму, а другого эффекта я и вправду пока не замечал.

– Чё? Ничего не чувствуешь?

Я поглядел в зеркало справа от себя и подумал, вроде и вправду ничего.

– Вообще по нулям. Ты чё, цену набивал?

– Ты уверен? – недоумевал Шон. – Остальных сразу накрывало...

Он всё тарасился на меня, не веря своим глазам. Потом предложил:

– Ладно, давай перерыв пока. Может, потом вмажет. А если нет, то добавим ещё чутка.

Возразить мне было нечего, так что я, кажется, согласился, а он сказал:

– Я тут пока всё запакую, а ты иди развлекайся – догоню тебя.

Помнится, я двинул к выходу и в тот момент даже не заметил, что у него с глазами что-то не так. Как раз передо мной из кабинки вылетела та парочка. Видимо, закончили свои дела. Парень тащил девчонку за руку, а эта малолетка пару раз обернулась и странно посмотрела на меня. И вот с ней – я уже понял – что-то не то. Но что именно, так и не врубился, они шмыгнули в дверь и растворились среди других тёмных фигур. А я остался наедине с беснующейся толпой.

Музыка долбила во всю мощь. Полуголые тела прыгали и толкались, тёлки извивались на шестах и в клетках над танцполом. В общем, всё как обычно в подобных местах, но только в ту секунду до меня дошло – цветопередача изменилась (стали преобладать тёмные и красные тона), а также появились радужные ореолы вокруг источников света. Это ненадолго заняло меня, и всё же я шагнул в толпу.

Поначалу было не так уж плохо: восприятие обострилось, всё казалось ярче и чётче. Очевидно, эффект рос, но из-за его специфики (по-видимому, вырубавшей критическое мышление на корню) мне казалось, что всё нормально. А ближе к середине танцпола меня накрыло с головой – я заметил, мои ноги светятся так же, как и светодиодные диско-плиты на полу. Вернее мои ноги, так же как и панели под ними, были пронизаны едиными линиями света. Что-то вроде того. Но это совершенно не испугало меня, испугался я уже потом, а пока всё происходило как во сне, а во сне на такую ерунду даже внимания не обращаешь.

По-видимому, очень скоро, хотя мне это так не показалось, я почувствовал – мои нижние конечности вырастают в пол. Видимо, в тот момент слились два наркотических эффекта: расстройство двигательного центра, из-за чего я даже ногу не мог поднять, и так называемая утрата личной идентичности или растворение эго. Весьма подходящее название – эго я совсем не ощущал, а граница между мной и окружающим миром растворилась, и я воспринимал себя как неотъемлемую часть пола. Каждый новый шаг давался всё трудней, я еле волочил за собой нижние конечности. А ноги и туловища других людей чудились мне корнями каких-то уродливых деревьев. И тут я поймал себя на странном ощущении, будто я очутился в сумрачном лесу. Это хорошая аллегория на весь тот период моей жизни. Когда же я впервые за долгое время поднял взгляд выше, вот тут-то я и прихерел. Все люди вокруг, проступающие в свете вспышек стробоскопов, тарасились на меня и расступались, уступая мне дорогу. К тому времени я уже утратил способность различать человеческие лица, поэтому все они были похожи на одно. И на каждом из них застыло одно и тоже выражение – злобная ухмылка. Я посмотрел вперёд и увидел лестницу, до неё оставалось не так уж далеко.

В конце концов, я дотасился до вертушки, уже совершенно не понимая, нахрена мне надо на второй этаж. Я чувствовал себя, как беспомощный ребенок. Поднял ногу. Опустил. Твою мать, даже на ступеньку не попал. Взяв себя за джинсы, я помог ноге забраться. Не знаю, зачем, но я поднял голову и посмотрел наверх, и увидел, что лестница уходит высоко-высоко, прямо в небеса, окутанные облаками, – тут мне показалось, что я вспомнил, зачем туда иду. Подъём предстоял очень долгий, а моя моторная кора уже вообще не слушалась меня.

Играя с собой в кукловода, то есть помогая каждой конечности сделать движение другой, я наконец добрался до четвертой ступеньки. Вы даже не представляете, как я устал. К счастью, в этот момент моё тело внезапно обрело лёгкость, и я стал взмывать навстречу синеве. Мне

казалось, что это какой-то дух подхватил меня, но, когда я повернулся, понял: это Шон – человек-грёбаная-морковка тащит меня. Лыбясь во весь рот, он что-то постоянно говорил. До меня дошло: те невнятные звуки, вырывающиеся из его рта, я слышу уже очень давно. Бог знает сколько он глазел на меня и угорал, как над заправским алкашом. Ближе к концу лестницы я оклемался и даже стал понимать его слова:

– Ну и приходнуло же тебя, братан! – его голос, как и прежде, доносился точно из другой вселенной.

Он придерживал меня за бок и продолжал ржать, а я, хоть и понимал, что это он, никак не мог сфокусировать на его рыжей морде взгляд.

– Ты ток не парься! Сейчас тебя немного попустит, а потом начнётся фаза два!

– Фаза два? – переспросил я.

И только после этих слов я стал вспоминать, что же происходит со мной, и почему моя башка в таком раздрае.

Судя по всему, я произнёс тот вопрос вслух, потому что ходячая морковка ответила мне:

– Ага! Там вообще улёт! – он помог мне шагнуть на последнюю ступеньку, и мы вышли на балкон. – Эфиры растворятся, и дело пойдёт! Давай, держись! Так-то лучше!

Я качался, но вроде бы стоял. Шон заботливо поправил на мне пиджак, и только когда я поднял взгляд, я отчетливо увидел его лицо. И замер. Бледное, рыжее, с испариной на лбу, но самое главное – глаза: в них извивались здоровенные капилляры, а вокруг серых радужек было багровое кольцо. Казалось, что это не Шон, но какой-то зверь – содрал с него лицо и без особых церемоний натянул на своё.

– Ну что? До дивана сам дойдешь!?

Кажется, я кивнул, охреневши глядя на его.

– Тогда давай! Отдохни чуток, а мне нужно за другой стол, детка! Попозже подойду!

Он хлопнул меня по плечу и пошёл в другой конец балкона. Снова эта его «детка». Я проводил его взглядом, потом посмотрел на диван и девчонок. Подумал, мне и вправду стоит присесть. Я пошел к ним, с трудом переставляя ноги, и даже не заметил, что за моей спиной – внизу, на танцполе – с людьми творится не вообразить что...

Я рухнул на диван. Когда подходил, Рейчел подвинулась и уперлась обратно в телефон, а Кристи, перевалившись через подлокотник, болтала с кем-то за соседним столиком и ржала как не в себя. А мне стало хорошо, я растекался по кожаным подушкам и даже не хотел вспоминать, что не так у Шона с лицом.

– Ты где так долго пропадал? – Рейчел перекрикивала шум долбёжки.

Я ей вроде что-то ответил, но даже в её сторону не посмотрел, вместо этого я наблюдал, как всё плывет и качается перед глазами...

И тут я почувствовал «фазу два».

Точнее сказать, я ощутил предвкушение трипа, который иногда навещал меня в тот период. Своеобразный флэшбэк, который я уже очень хорошо знал. Помню, в теле появилась странная тяжесть, и по дивану под моей задницей пробежала дрожь. Да и по всему оставшемуся помещению тоже. Зрачки, должно быть, расширились до предела, ведь несмотря на то, что вокруг было довольно темно, светочувствительность стала невыносимой. И этим обдолбанным взглядом я обвёл весь второй этаж. В левой части балкона на небольшом подиуме колбасились люди. Они производили однообразные движения, точно заводные. Но время от времени их будто перекручивало от тяжелых ударов, которые прокатывались по клубу. Они приводили в движение всё: людей, стены, стулья и даже заставляли дрожать столик возле моих ног. Но эти толчки не были басом из колонок, как казалось раньше, это было то, что скрывалось под ним... В один миг мне припомнился весь тот безумный вечер: я курю на балконе, и до меня доносятся эти звуки; я иду по коридору, и удары пробиваются сквозь стены в ритм шагов длинноногой Рейчел; от них даже вздрагивает лифт, когда я впииваюсь в набитые гиалувроном губы; я слышу

их даже на улице; и в машине тоже. Мне вспомнились и другие мои трипы, да и вся жизнь целиком – всё было пронизано этими низкочастотными ударами, которые то затихали среди шума суеты, то становились ясными как день к разгару ночи...

Короче, меня вжимало в красный кожаный диван на балконе второго этажа, и мне казалось, вернее, в тот момент я был уверен на сто грёбаных процентов, что всё вокруг качается на волнах. Мне чудилось, что мы на корабле – спрятались где-то в грязном трюме от неистового шторма, а раз в пять-десять секунд вселенскую пучину за бортом, как раскаты грома, встряхивают удары хвоста огромного кита... Они вибрацией пробегали повсюду, в том числе по моему телу, и перекручивали всё внутри. Мне казалось, та неведомая тварь ещё очень далеко, но с каждой секундой она становится всё ближе...

И словно сквозь глубокий сон кто-то звал меня:

– Джейк!

– Джейк!!

– Ты слышишь меня?!!

Это была Рейчел – она звала меня. Когда я повернул голову, её рука уже во всю трясла меня.

– Ты че залип?! Почему не отвечаешь?!

Но и на это я ей не смог ничего ответить. Язык, помню, онемел, но не в этом дело. Я видел, как под её кожей копошатся тысячи червей. Но и это ещё не всё: её правая линза съехала набок и оголила чёрный белок нечеловеческого глаза, а под тем же правым веком свисал лоскут кожи, под которым виднелась гниющая плоть. Помню, я подумал: походу, мне пиздец.

Еле выговорил слова:

– Рейч, что у тебя с лицом?

Она удивленно посмотрела на меня своим убудским глазом. Затем взяла телефон и врубила фронталку. Клянусь, я видел, как извиваются белые черви в том месте, где не хватало лоскута.

– Ой, и вправду всё съехало...

Рейчел заползла оранжевым ногтем прямо в глаз и вернула линзу на место. Она прилепила кусок кожи обратно и, облизав языком подушечку большого пальца, стала разглаживать лоснящийся лоскут. Грёбанный стрём. Я не мог на это больше смотреть. Я вскочил с дивана и стал пятиться назад, шаг за шагом. Слава богу, ноги слушались меня, а те грёбанные твари провожали меня взглядом. У Кристи тоже черви бегали по лицу, а ещё у неё были жуткие кровоподтёки под глазами. Эта ведьма смотрела на меня так презрительно и высокомерно, будто понимала, что происходит со мной. Шаг. Шаг. Ещё шаг.

– Джейк, что с тобой?!

Я отходил назад, даже не моргая, пока не наткнулся на ограждения спиной – чуть не грохнулся с балкона, но устоял и был вынужден обернуться, а там... передо мной предстал переполненный чертями, живыми мертвецами и ещё какими-то тварями танцпол. А посередине того вакханального зала стоял всё тот же парень в кепке, вот только теперь и он был немного другой – из-под козырька торчали здоровые рога, лицо словно залито кровью, и видно, как через приоткрытые веки полыхают огненные глаза, а в свободном пространстве вокруг змеёй извивается его хвост. Он, как и раньше, будто находится в трансе и покачивается на волнах со мной в такт.

Лютая херня. Такой жести я ещё не видел никогда. Меня затрясло. В голове мелькнула мысль: может, это передоз? А уже в следующую секунду меня выворачивает наизнанку, и блевотина летит с балкона прямо на визжащую толпу. Я вытер губы тыльной частью кулака, а дальше – как дыра...

По-видимому, надпочечники, высвободившие тонну адреналина, и сердцебиение, подпрыгнувшее до двухсот пятидесяти ударов в минуту, мобилизовали все мышцы моего тела,

поэтому я даже не заметил, как оказался внизу. Помню только пристальные взгляды упырей вокруг. Но я проскочил мимо них, как молния (остаётся только надеяться, что всё было именно так, и вместо этого я не полз на четвереньках, пуская слюни на грязный пол). Так или иначе я оказался на финишной прямой – в тёмном коридоре – скользил по стенке плечом, а пролёт, зараза, то удлинялся, то сокращался – из-за этого невозможно было понять, когда он подойдет к концу. Когда же я всё-таки почти добрался, вижу – по лестнице кто-то спускается, быстро перебирая ногами в модных ботинках. Угадайте, кто? Правильно, Нельсон. Как только он спрыгивает с последних ступенек и замечает меня, он с идиотской ухмылкой спрашивает:

– Эй, браток, ты чё?

Помню, я повис у него на пиджаке и тыкал пальцем в глубь качающегося коридора, пытаюсь хоть что-то внятное сказать. Но ничего не получалось. А Нельс с безумной улыбкой на лице:

– Ну тебя и торчит, братан! У тебя рожа бледная, как жопа старика!

Вот придурок. Я поднял на этого имбецила глаза, и тут же отскочил на пару метров – зрачки и радужки у него были абсолютно белые, как будто неоперабельная катаракта на глазах. А на роже светилась всё та же широченная улыбка, как у гребаного клоуна:

– Что? Совсем переклинило, да?

А сам ехидный смех не может сдержать. Это самое херовое в бэд-трипе: тебе хуево – а всем вокруг капец как смешно. Я еле связывал между собой слова:

– Нельс... у тебя с глазами что-то...

Так он чуть от смеха не заорал:

– Ты бы видел свои, братан!

Этот полудурок ржал, не затыкался:

– Ты похож на обдолбанного маньяка!

Он еле стоял на ногах, и, чтобы удержаться, навалился на стенку справа от себя:

– Видок просто убойный! Как у херого Мэнсона, ёб твою мать!

Не переставая ржать, Нельсон скатился по стене прямо на ступеньки и стал растекаться по ним.

А меня по-прежнему трясло. Я стоял и думал: что происходит, твою мать? Но тут за моей спиной раздался грохот – это было цоканье каблуков вперемешку с эхом тех самых ударов. Я оцепенел. Чувствовал, как звуки за спиной становятся оглушительней и ближе. И с каждым разом они всё сильнее врезались мне в мозг. Очень скоро этот грохот затмил даже истерический смех друга-идиота, катающегося по грязным ступеням спиной. Это цоканье казалось мне шагами рока, который неумолимо приближается ко мне. И всё же я переборол чувство страха и обернулся через плечо.

В глубине невообразимо длинного прохода вышагивала официантка-дьяволица: у неё были рога, а в руке она крутила хвост. Во мраке коридора от неё оставались лишь очертания фигуры, глаза и губы, полыхающие огнём. Выглядело это по-настоящему жутко: она... её шаги... удары тугого баса и истерический хохот – мне снова стало не по себе...

Не помню, как я взлетел по лестнице. Помню только голос за спиной:

– Езжай домой! Выспись, придурок!

И смех.

Я пришёл в себя уже на улице и сходу залетел в припаркованное неподалёку авто. Не знаю, сказал ли я водителю что-нибудь или нет, но тачка завелась и тронулась с места.

Помню, как я растекаюсь на заднем сиденье такси. Держу закрытыми глаза, всё плывет, сердце колотится, дыхание тяжёлое, как у престарелого пердуна, но чувствую – потихоньку отпускает. А когда поднимаю веки и перевожу взгляд за окно, понимаю: это не закончится никогда...

Я как будто оказался на улицах гребаного Сайлент Хилла. Город стал ещё уродливей, чем прежде. Все источники света помутнели. Улицы покрылись вязким туманом, и по ним

бродят какие-то уродливые существа. Из-под гор мусорных мешков текут реки какой-то жижи, похожей на понос, вперемешку с кровью. Переулки полны живых мертвецов – они даже шатаются, как зомби при ходьбе. По тротуарам бегают орды толстенных крыс, некоторые из них встают на задние лапки и провожают тачку налитыми кровью глазами. Но самыми пугающими выглядят они – твари, которые больше остальных похожи на людей. Вернее, они были ими когда-то, но продали душу этому городу и теперь гниют. Они все продали ему души и теперь с голодной завистью смотрят на меня пустыми, как у Нельсона, глазами... Как же я раньше этого не замечал? Весь город полон этой падали... А выше над этим всем мерцают психоделические билборды с расчлененкой и откровенным поревом. На каждом из них слоганы в стиле:

«Мы продаём то, чего нет!»

«Довольная корова даёт больше молока!»

«Не нужно ни души, ни тела, только твои деньги, тварь!»

Весь этот город похож на сраный некрополь. И он пожирает сам себя... Но даже его каменные стены встряхивает от ударов огромного кита... А вы видите это? Видите, да?.. а хотите увидеть настоящую гниль?.. Тогда подойдите к зеркалу и загляните отражению в глаза...

Глава II

Грёбаное пятничное совещание. Скукота.

Слава богу, у меня беспроводная гарнитура в правом ухе. Все думают – это для того, чтобы быть всегда на связи, да и выглядит по-деловому, а мне из неё Хендрикс орёт: «All Along the Watchtower» – только это и спасает от желания вышибить себе мозги. Боб – один из старших партнёров, крупный мужик средних лет, – как школьник, стоит с листком и что-то мямлит, типа: «...доходы падают, расходы растут...». Мистер Гарбидж, толстый хер, под чью жопу просится второе кресло (тоже старший партнёр), сидит на другом конце стола размером с теннисный корт и чавкает. Он подтянул к себе вазу с печеньями и уплетает одно за другим. А за ним через весь стол наблюдает грозный седой мужик с орлиным взглядом. Все остальные старпёры в модных, дорогих костюмах – а их здесь больше двадцати штук, – видят это, только один тупорылый Гарбидж нихера не замечает. Грозный седой мужик во главе стола – это зам-председателя. По натуре крутой мужик, несмотря на то, что компания говно. Ну как говно: одна из самых крупных в Городе. А вот кстати и он, смотрит на меня через окно во всю стену напротив – этот чертов сраный Город.

Он залит полуденным солнцем, и здания из металла и стекла отбрасывают световых зайчиков мне в глаза. Я шурюсь. Очки бы сюда. На сгибе левого локтя чувствую тянущую боль. Разминаю его, пока сеньор-помидор Боб болтает. Это всё из-за укола – в вену неудачно попал. Не подумайте, я не гоняю хмурого. Просто после таких мозговыносящих вечеринок, как вчера, наступают мозговыносящие бодуны, как сегодня, от которых пара чашек кофе тебя точно не спасёт. Здесь нужна тяжёлая артиллерия – детоксикационный раствор: аминокислоты, соли, магний, витамины всех групп, макро, микроэлементы, диуретики, препараты, укрепляющие сердце, никотиновая и гора ноотропов. Рецепт мне как-то одна симпатичная медсестричка подсказала. Но с тех пор я многое в нём изменил, так что уже и не знаю, совместимо ли всё это.

Я даже специальную стойку прикупил, вешалка такая с колёсиками, чтобы пакетики подвесить и ходить. Очень удобно. Ходишь-бродишь по квартире, а она всё: «кап-кап». Поначалу я в частных клиниках прокапывался, но эти животные за услуги похметолога по 250 зелёных берут. Подумал – дороговато как-то. Посмотрел ролики в интернете, пару неудачных попыток, но на своей боли быстро учишься, так что сегодня могу засаживать иглу, не глядя. Тут только одна проблема – после таких вечеров руки дрожат, но и к этому привыкаешь...

– Джейк...

– Джейк!..

Шёпотом зовёт меня Дилан, мужик справа, и толкает локтём.

Я поворачиваюсь к нему:

– Что?

Но тут же замечаю – ястребиный взгляд зампреда направлен прямо на меня.

Он спрашивает:

– Джейк. Ты о чём там задумался?

Смотрю: Боб уже сидит. И сходу отвечаю:

– Да всё над докладом Мистера Джонса.

А сам думаю, как же хорошо, что я залип с серьёзной рожей, а не с идиотской улыбкой какую-нибудь хрень вспоминал. Если что: Мистер Джонс – это Боба так зовут. Роберт Джонс. Он тоже смотрит на меня, красный такой. А зампреда продолжает:

– Ну так выскажись. Сам знаешь, Мне интересно мнение молодой крови.

Он подносит руки, сложенные в замок, к лицу и, выглядывая из-за них, добавляет:

– Уверен, тебе есть, что сказать.

Ему просто нравится, когда я выступаю. Впрочем, он не один такой. Я киваю и перевожу взгляд на город за окном. Небо синее-синее, ни облачка. И думаю:

«Ну что ж, весь мир – театр, а это, кажется, – мой выход...»

Я поднимаюсь, обеими руками навалившись на стол. Как раз в наушнике начинается новый трек. Это лайв. Пока я осматриваю конференц-зал, в ухе раздаётся визг приветствующей меня толпы, но глаза присутствующих – престарелых борозов, выросших папиных сынков и потрёпанных временем дам с перетянутыми лицами, – все их взгляды устремлены кто куда (кто смотрит в стол, кто – в потолок, кое-кто изредка поглядывает на меня). Но это пока. В наушниках раздаётся разогревичное гитарное соло, а я делаю глубокий вдох и вступаю в игру:

– Я услышал в докладе Мистера Джонса одну важную мелочь. Вы, наверно, не обратили на неё внимания...

Тут включаются ударные – бас-бочка отбивает чёткий ритм. Я говорю медленно и крайне снисходительно, как бы пытаюсь донести свою мысль каждому из них:

– Дело в том, что экономика страны стоит на грани катастрофы. Мы продолжаем видеть экспоненциальное падение покупательской способности одновременно с экспоненциальным ростом производства. И, разумеется, производители слышать об этом не хотят...

Я что-то показываю руками и продолжаю говорить, а слова сами собой начинают литься из меня. Взгляды присутствующих постепенно приковываются ко мне:

– Расслоение растёт. Оно становится всё больше и больше, и скоро его будет уже не остановить...

В такие моменты, как этот, мне кажется, что за меня говорит кто-то другой. В такие моменты я и сам не знаю, что скажу дальше. Я даже могу параллельно думать о чём-нибудь другом. Слушать, как мой собственный голос, вышедший из-под контроля, раздаётся между стен просторного помещения в полной тишине. Наблюдать, как он становится из спокойного и мягкого – жёстким и бескомпромиссным. Как его слова отражаются реакцией на лицах людей.

Наблюдая за всем этим, я даже не замечаю, как начинаю расхаживать по конференц-залу. Как заглядываю в лица людей, чтобы подобрать ключ к каждому, кто ещё со мной не согласен... А когда их внимание всецело принадлежит мне, я больше не смотрю на них. Но продолжаю говорить...

Я говорю, когда подхожу к окнам, за которыми виднеется город. Он переливается на свету. Я говорю, когда наваливаюсь рукой на одну из рам, что режет стеклянную гладь по вертикали. Моё лицо отражается на залитом солнцем отражении, а губы продолжают шевелиться. Они шевелятся даже тогда, когда я замечаю, как по перекладине под моей рукой пробегает вибрация, а через несколько секунд – ещё раз. Губы не прекращают шевелиться, даже когда я отдёргиваю руку от рамы, как от горячего, испуганный воспоминанием о вчерашнем, и даже после того, как я опускаю взгляд и понимаю, – потоки людей и машин, переполняющие улицы, тоже подчиняются этому ритму... Но позже я возвращаюсь к людям в зале, вновь ощутив на спине их взгляды.

Человек во главе стола с суженными от солнца зрачками, не моргая, смотрит на меня. Он лишь на мгновение отрывается, когда я обхожу его со спины, и ему приходится практически вывернуть шею, чтобы снова встретиться со мной взглядом. Мой спокойный и уверенный шаг заставляет ощущать себя зверем, загоняющим стадо беззащитных ягнят.

Я говорю минут семь или восемь, а когда заканчиваю – гитары в моем ухе делают завершающий аккорд. Я снова у своего кресла и произношу:

– Поэтому мы обязаны идти в ногу со временем, иначе история не оставит о нас памяти даже в веках...

После моих слов на несколько секунд воцаряется молчание. Ошарашенные люди всё ещё смотрят на меня. Раздаётся шквал аплодисментов, но это в ухе, в конференц-зале происходит

ещё более удивительная фигня: люди начинают аплодировать мне глазами – они принимаются растерянно моргать и озираются по сторонам, будто только что очнулись и оказались там, где совершенно не ожидали обнаружить себя.

Когда все окончательно приходят в сознание, я добавляю:

– Мы не раз обсуждали это с мистером Альваресом, – указываю кивком головы на мужика напротив. Он ошарашено смотрит на меня. – Думаю, он со мной солидарен. Может быть, ему есть, что добавить?

И плюхаюсь обратно в кресло, а Питер – мистер Альварес, – поднимается, словно обосравшись, и переводит потерянный взгляд с меня на зампреда. Пусть отдувается. Ха-ха.

* * *

Трек: Bradley Cooper – Black Eyes

После совещания зампред хлопает меня по плечу и хвалит. Мы идём с ним по коридору. Он улыбается. На его лице с большим крючковатым носом редко заметишь улыбку, но со мной он расплывается во все 32 своих винара. А я слышу, как другие партнёры, идущие чуть впереди по длинному коридору в стиле хай-тек, во всю обсуждают, где будут играть в гольф на этих выходных. Старпёры.

Зампред говорит мне:

– Я очень доволен твоими результатами, Джейк!

Он всегда такой после моих выступлений. Впрочем, как и все остальные. У меня просто дар к публичным выступлениям.

– Спасибо, Господин Зампредседателя.

И почтительно киваю. Я говорю нарочито вежливо и увлечённо, как настоящий имбецил. Но этим старикам только это и надо – демонстрируешь им капельку уважения, и они тут же тают на глазах. Наверно, именно этого им не хватает в общении со своими детьми.

Зампред продолжает, он говорит:

– Ты очень неординарно мыслишь.

Я скромно улыбаюсь и снова киваю, а сам думаю: спасибо – это микродозинг псилоцибина.

– Ты замечаешь то, чего не замечают другие, – говорит он.

Я смотрю на него, а сам думаю: спасибо – это аддерол.

Он говорит:

– Тобой даже доволен сам Господин Председатель.

А вот тут у меня с лица как будто смахивает улыбку.

Зампред ещё что-то говорит, но я не слушаю его:

– Господин Председатель очень заинтересован в таких молодых кадрах. Он впечатлён твоими способностями, Джейк. Так держать!

Мы идём по коридору, зампред всё болтает, а я думаю о председателе. Я разговаривал с ним всего два раза, но мне и этого хватило с головой.

Скоро мы расходимся. Зам налево, я направо. Перед этим почтительно пожимаем руки. У обоих из-под пиджаков выглядывают белые сорочки с модными запонками. Серебро и платина. Моя ладонь тонет в его – у него настоящие лапищи. Но на полпути к кабинету, я приостанавливаюсь, скидываю рукав и смотрю на свои новёхонькие Jaeger-LeCoultre. Это швейцарские часы люксовой марки, у меня таких целая полка дома на выбор в шкафу. Длинная тонкая стрелка с отверстием, как в игольном ушке, показывает – почти час. Это значит – пора на обед. Я же так уработался. И с довольной рожей разворачиваюсь обратно.

Я стою на пересечении 2-ой и 101-ой улицы в очереди у передвижной тележки с надписью: «Корейская капуста и лучшие бургеры, прямо из Кореи», и кучей иероглифов вокруг. За стойкой полуседой дедуля-азиат ловко делает своё дело – на клиента и полминуты не уходит. Я поднимаю взгляд над головой, там бесконечные здания из белого камня и стекла, над которыми лишь бледный небосклон с одинокой полосой от пролетающего самолета. А когда опускаю глаза, уходит ещё один клиент – передо мной остаётся четыре клерка. Позади – ещё три прибавилось. На всех костюмы не дороже двухсот баксов цвета мокрой крысы, и Я – самый перспективный специалист этой улицы, а то и всего города – Джейк Салливан, стою, как белая ворона в чёрном приталенном пиджаке, сшитым под заказ. Даже люди, проходящие мимо, странно косятся на меня.

Однажды Броук, тоже партнёр фирмы (он сидел на совещании тише воды, ниже травы, через два места слева от меня) спросил:

– Джейк, на хрена ты жрешь в этой мусорке у этого Ван Чуна?

Мы сидели с ним и другими стариками в баре после трудового дня.

– Эдди, – говорю я ему. – Я кое-что смыслю в мясе... – Я встречался в старшей школе с дочкой фермера. (Да, уже тогда все девчонки были без ума от меня). Девчонка была симпатичная, но туповатая, а вот отец у неё был, что надо. Так вот, я говорю Эдди: – Я кое-что смыслю в мясе, и у этого... как ты выразился? Ван Чуна?.. Мясо самый смак, – я говорю ему и смотрю прямо в глаза. А взгляд у него, надо сказать, тупой, как у осла: – И когда ты, Эдди, будешь подыхать от неоперабельного рака желудка, помни: в этом виноват твой сраный «Алан де Круз» с шестью звёздами Мишлен, в котором ты оставил ВВП небольшой европейской страны за дешманское мясо из Макдака.

Эдди так меня достал в тот вечер, что я втихаря подсыпал в его пойло чуток белого порошка. Так он чуть не отъехал, придурок.

– [Eonjenacheoleom na-ege annyeong]², – говорю фразу, которую выучил из гугл переводчика, когда подхожу к передвижной тележке.

Старик-азиат за прилавком улыбается мне так, что глаз не видно:

– [Kon'nichiwa, Soodesu!]³ – отвечает мне.

Я улыбаюсь и конечно же нихрена не понимаю. Остаётся надеяться, что он не называет меня каким-нибудь гайдзином или сукиным сыном. Старик быстро орудует щипцами и, только взяв в руки пачку соуса, переспрашивает:

– BBQ?

Киваю ему.

– [Gamsa!]⁴, – говорю я, когда он протягивает бургер в бумажном конверте. Аппетитный такой. Этот Ван Чун всегда выбирает для меня самый сочный и здоровый кусок мяса.

Утром я толком не ел (ничего в горло не лезло), так что первым делом сглатываю хлынувшую слюну, забираю свёрток и кладу деньги на стойку – тройную цену, как всегда, – он пытается отказаться, но не настойчиво, и я уламываю его. Он говорит мне на своем:

– [Jeiku-san. Watashi wa nihonjindesuga, anata no okane no tame ni Betonamu hito ni naru koto ga dekimasu]⁵

Я улыбаюсь, как идиот, беру несколько салфеток, а он кланяется мне.

А я думал, так только японцы делают...

² Корейский (транскрипция): «Привет, мне как всегда!»

³ Японский (транскрипция): «Привет, конечно!»

⁴ Корейский (транскрипция): «Благодарю!»

⁵ Японский (транскрипция): «Мистер Джейк. Я японец, но за ваши деньги могу быть хоть вьетнамцем!»

Как только я отхожу от тележки, поток людей, переходящих перекрёсток на зеленый, чуть не сбивает меня. Я уворачиваюсь от пролетающих мимо фигур, держа в губах натертую морковку, которая неаккуратно торчала из бургера, пока не натыкаюсь на сногсшибательную даму. Она тоже замечает меня. Мельком оцениваю её, она – меня, пропускаю её перед собой вежливым жестом, смакуя морковку, а она проходит мимо и оборачивается уже через другое плечо, провожая меня взглядом. У неё ярко-чёрные глаза, а шов тугой юбки спускается прямо между ягодиц. Красивая... Но кайф ломает телефон, завибрировавший у меня в кармане – я отвлекаюсь на него.

Смотрю на экран: снова Нельсон – что-то хочет от меня. Целое утро названивает, а мне не охота отвечать. Он снял домик на побережье на два дня, так что вечером туда...

Перехожу дорогу и располагаюсь на ближайшей скамейке в небольшом скверике так, чтобы никто больше не подсел. А то бывает, какой-нибудь придурок сядет, а то и не один, и начинает по телефону болтать, а ещё хуже, если с тобой попытается завести беседу. Впиваюсь зубами в сочный кусок мяса. Ммм, мой любимый ВВQ... оп, чуть на штаны не капнул. Напротив меня, сквозь редкие деревья и помехи проезжающих в плотном трафике машин, виднеется улица из стекла – ряды магазинов и ресторанов. Народу, как говна. Все толпятся у паршивых, но дорогих забегаловок. Модные чики со здоровенными пакетами перетекают из бутика в бутик. Balenciaga, Stuart Weitzman, Eton. Но мой взгляд цепляется за парочку ребят. Это молодые люди, они скромно стоят и смотрят с улицы на витрину, заваленную кучей барахла. Их силуэты отражаются на стекле, и где-то там, в глубине на заднем фоне, даже виднеюсь я. Такие ребята, как эти, – мой самый любимый тип потребителя. Потребителя, который спит и видит, как потребляет, но ещё нос не дорос. И по статистике может никогда и не дорасти.

Вообще с точки зрения маркетинга (эт я так маркетинг называю, поскольку в рамках нынешнего рынка с его засильем рекламы, информации и знаков любая маркетинговая стратегия превращается в угадку в стиле: «Водолеи под влиянием Меркурия имеют большие шансы на успех», – только в отношении компаний, с использованием экономических терминов и взятых с неба процентов). Так вот для маркетологов и экономистов, по большому счёту, существуют четыре типа людей. Первый, в принципе вообще не люди, – назовем их человеческими существами без покупательской способности: бомжи, бедняки и прочие нищоброды. Кстати, один из них разлёгся на скамейке неподалёку и спит. Живые мертвецы. Как же я раньше этого не замечал?.. Так, о чём это я? Да, короче, дальше идёт основной потребитель – люди среднего достатка, за чью душу и карман ведётся вселенская борьба. Толстосумов и их зачаточные формы мы выбрасываем из списка – там совсем другие правила игры. Но остаётся ещё один тип (он стоит немного особняком): мой самый любимый – личинка основного потребителя.

Как сказал один известный маркетолог-экономист Клод Смит: «Хочешь получить хорошего покупателя, расти его с детства». И именно так мировые конгломераты – эти тысячеглавые гидры экономического болота, – сегодня и поступают. Они прекрасно понимают, дети – это будущее, и они втюхивают миллиарды, чтобы обеспечить его себе. Вы, наверное, стараетесь и вкладываете немало сил, чтобы вырастить хорошего сына или умную дочь, но как только вы отворачиваетесь, маркетологи растянут из него идеального потребителя. И поверьте, в этом они намного эффективней вас – они настоящие профессионалы.

Сегодня продолжает набирать популярность специализация «детский нейро-маркетолог». В эту отрасль набирают самых отмороженных и тех, у кого своих детей нет, чтобы они без зазрения совести могли массово лоботомировать чужих. Основная их задача – разжижать детские мозги до такой степени, пока из всех когнитивных способностей у них не останется умение различать марки и лейблы, а также способность максимально импульсивно реагировать на рекламные призывы.

Но не стоит гнать на корпорации и маркетологов – это всего лишь их работа, а вот кто родителей заставляет детям в голову вдальбивать всякую чушь и дарить им игрушечные машинки люксовых марок? Правильно, малыш должен знать с пелёнок, что красная Феррари круче синего Ниссана! Слышал, что когда-то дети мечтали стать космонавтами или инженерами, но сегодня они знают, какую тачку купят, когда вырастут. Возрастной разброс таких недо-амбистом⁶ от 0 до 29 лет. И с каждым годом верхний порог стремительно растёт. На 0,7%, если быть точным. И если ты родился в цифровую эпоху, и тебе ещё нет тридцати, поздравляю: ты – личинка потребителя. По данным соцопросов пределом твоих мечтаний является клёвая тачка, шикарная хата и тёлки вокруг. Вот только вряд ли ты сможешь себе это позволить. И да, только не думай, что ты сам это придумал, у тебя бы даже на это мозгов не хватило. Нам всем это втюхали, впрочем, как и все остальные атрибуты «достойной жизни».

А для того, чтобы ты не забывал про свои имплантированные мечты, Королева потребления смотрит на тебя с каждой витрины и делает так пальчиком: «No-No, я тебе не по карману», а классные парни, которым хватило ума заработать на всё это дело самому, – такие классные парни, как я, – проезжают мимо на рычащей спортивной тачке, вызывая у тебя дикую зависть и желание... нет, не прикупить себе мозги, чтобы позволить всё это, а просто купить себе такую же тачку. Всё потому, что маркетологи, как хитрые напёрсточники, одурачили тебя, и ты считаешь, что не твои мозги могут дать тебе классную тачку, но тачка определяет твои возможности...

Пока я сижу и думаю обо всём этом дерьме, те молодые люди у витрин уже давно исчезли, а ко мне подбегает тощая собака и, как приличный, выдрессированный пёс, садится у моих ног напротив. Не то чтобы он совсем худющий, но покормить его явно не помешало бы. С высушенным языком он поворачивает голову на бок. Глаза у него чёрные-чёрные, как у той девицы на перекрёстке. Я смотрю на бургер, от него почти ничего не осталось – на пару укусов всего. Я продолжаю смотреть на обгрызенный обьедок с маленьким кусочком мяса, а сам думаю: «Над нами всеми очень хорошо потрудились. Мы все как жертвы того доктора-садюги, который над собаками измывался. Условный рефлекс. Вот только псины в его лаборатории хотя бы за это жратву получали, а что мы? Иллюзию счастья и благополучия? В таком случае дилеры из подворотен куда честнее – у них хотя бы есть товар, который они пытаются втюхать».

«Гав» – пёс напоминает о себе. Поднимаю глаза, а он всё сидит и смотрит... Да чтоб тебя! Я протягиваю остаток бургера бродяге и, почёсывая за чёрным мохнатым ухом, скармливаю ему оставшийся кусок. И да, кстати, если кому-нибудь из вас вдруг повезёт, и вы сорвёте куш, не беспокойтесь – компании продумали всё и на этот счёт. Им же нужно, чтобы вы покупали всё новее, лучше и дороже, поэтому на какой бы социальной ступени вы не оказались, вас никогда не покинет это гадкое ощущение, будто вы что-то не можете себе позволить.

Пёс облизывает мне руку, щекоча пальцы языком и счищая остатки соуса, а я вижу, как продавец-азиат, переходя на бег, везёт свою тележку по опустевшей улице. Он толкает её, держа за металлические ручки, как на строительной тачке. Это значит, обед закончился, а я и не заметил, как время пролетело...

Треплю напоследок пса по шёрстке, встаю, вытираю руки и достаю пачку сигарет из внутреннего кармана. Закуриваю и, уходя, кидаю салфетки в мусорную корзину с пары-тройки метров, а бобик провожает меня голодным взглядом своих тёмных глаз.

Когда я подхожу к кабинету, приёмная оказывается пуста – помощницы всё ещё нет на рабочем месте. Её нет с самого утра. Вспоминаю и хлопаю себя по лбу: я же отпустил её. Она отпрашивалась на этот день, и уже давно – свадьба у подруги или что-то вроде того. Я даже попил с ней расходы на платье. Не подумайте – это не по доброте душевной. Первое правило

⁶ Автор имеет в виду аксолотлей – земноводных способных всю жизнь прожить в личиночной стадии.

успеха: в нашем коммерчески направленном мире каждое действие должно быть функциональным и нести прибыль. Любое решение организации, государства, слово политика, партнёра, да вообще кого угодно, каким бы заявление или обещание не выглядело благородным на первый взгляд, оно всегда несёт кому-то прибыль. Только идиот работает себе в убыток. Слава богу, таких большинство. Бухгалтерия нашей организации выделяет слишком скромные зарплаты младшим сотрудникам. Поэтому за счёт таких подачек и небольших премий я поддерживаю хорошие отношения с подчинёнными и минимизирую риск, что важный кадр свинтит на сторону в неподходящую минуту. Кто же в таком случае за меня работать будет?

Захожу в свой кабинет – шикарное, просторное помещение в стиле эклектики с огромным окном в конце (то есть напихано всё подряд, но выглядит стильно). На обшитой тёмным деревом стене слева висят маски африканских племён (наверно, «сделано в Китае»), под ними – низкий столик и кожаная софа для посетителей. На противоположной стене цвета слоновой кости висит мрачная картина моего приятеля художника в стиле Giacomo del Pò «Gates of hell», под ней барный шкаф. Он пуст – я не пью на рабочем месте.

А ближе к окну стоит здоровенный стол из облегчённой нержавеющей и чёрного эбена, к которому я шагаю.

Падаю в кресло и секунд десять тупо пялюсь в тёмный экран широченного моноблока. Да, без помощницы я даже не знаю, чем себя занять. Обычно она говорит, что мне делать. Думаю: может устроить сегодня выходной? Но потом: не, тогда у меня вся неделя сплошной выходной выйдет.

Всё же залезаю в комп. Нахожу в планировщике пару задач, которые пламенеют красным уже как целые полгода. Таких задач там на несколько страниц, но я решаю начать с самых старых.

Делаю пару деловых звонков. Оба раза слышу в трубке:

– Джейк! Ты что так давно не звонил?

Оба раза отвечаю:

– Сам знаешь, много дел...

Потом заглядываю в квартальные отчеты: у компании дела хуже, чем я ожидал. Все графики ползут вниз, за исключением одного – корпоративных трат. Так вот о чём Боб говорил, плакали мои партнёрские. Интересно, а почему другие партнёры ни хрена не делают? Хотя, наверно, они задают себе этот же вопрос.

Думаю, написать пару писем по этому поводу, но на втором же слове понимаю – это суета сует и никому в принципе не надо. Подхожу проветриться к окну. Но настроение окончательно ниже плинтуса падает. Так всегда происходит, когда я подхожу к окну, но всё время об этом забываю.

На противоположной стороне улицы стоит похожее на наше здание. И в нём целая сто-этажная стена таких же шикарных офисов, как у меня. А у некоторых они даже выше. Пока сидишь к окну спиной и наслаждаешься выверенным дизайном своего кабинета, кажется, что ты центр своей маленькой вселенной, а когда выглядываешь на улицу, возникает ощущение, будто мы все копии друг друга. Вернее, может быть, мы-то и разные, вот только кто-то очень старательно пытается стандартизировать нас. Избавиться от этих дурацких мыслей и разнообразить вид на этот убогий город помогает капля лизергамида (LSn-5,5), хранящейся в правом верхнем ящике рабочего стола. Ну как капля? Полпипетки выдул.

Первые сорок минут, пока я разгребал почту, меня довольно сильно мучило. Все письма отправились в корзину – там был один лишь шлак. Нет, там, конечно, была пара важных писем, но сроки давности тех дел давно прошли. Видимо, всё как-то само решилось. А потом я заметил – все буквы на экране стали плыть и убегать. Я снова подошёл к окну и вот тут-то всё ожило и зашевелилось.

Мир стал радостней и ярче. Контрастность увеличилась в разы. Шлейфы от тачек оставались такие чёткие, что казалось, я могу рассмотреть их номера, хотя самих машин уже дано не было – они уносились вверх по улице. Мне чудилось, что соседние здания дышат со мной в такт, а африканские маски на стене неожиданно заговорили. Кабинет выглядел ещё шикарней, и казалось, что он размером с целый стадион... Помещение покачивалось и по всем поверхностям бежали волны. Но вдруг раздался странный звук. До меня не сразу дошло, что это письмо на почту пришло.

Добраться до кресла не составило труда, а вот когда я взял мышку в руку, мне показалось, что я трогаю её ногой. Всё на экране плыло и извивалось, но я всё-таки попал на нужную вкладку. А увидев знакомый, но в тоже время давно позабытый, электронный адрес, я на несколько секунд завис. Потом открыл письмо и промямлил:

– Этого не может быть...

Это было письмо от Неё... Я передумал. Я сказал, что после приёма того дерьма в клубе всё покатило к чёртовой матери. Нет, беру свои слова назад – всё пошло наперекосяк после того, как Она мне написала...

* * *

Трек: Foals – Mountain at My Gates

Лёгким касанием включаю поворотник (*тик-так, тик-так*) и обгоняю старую развалюху на своём пути. Когда проезжаю мимо, замечаю наклейку на заднем стекле с надписью: «Мы все избранные, других не бывает», а за рулем парень с усталым видом сидит. Смотрит на меня. Я выдыхаю густой белый дым в его сторону и улыбаюсь. Втапливаю педаль в пол, зверь взрывает, и мы оставляем беднягу позади.

Ветер бьёт в лицо и развеивает мне волосы. Я опускаю стекло ниже, делаю последнюю затяжку до самого фильтра и отправляю самокрутку (или петарду, называйте, как хотите) вон из салона. Открываю пассажирское окно на полную и пару раз взмахиваю рукой – помогаю дыму и запаху травы рассеяться и убраться вон из тачки.

Когда вонь исчезает, я набираю полную грудь свежего, прохладного воздуха. Не то что городской смрад.

Вечер спускается на дорогу. До побережья два часа езды. Два часа полного спокойствия и тишины. Я, пустая дорога с желтой полосой, музыка и всё. Да, чуть не забыл: ну и конечно же мой рычащий зверь. Шум мотора перемешивается с ветром. Тянусь к приборной панели и включаю музыку погромче.

Вокруг пустынная равнина с выжженными на солнце кустами чапарала. Такое ощущение, будто ты оказался где-то на другой планете, на грёбаном Марсе подальше от всей этой херни. Справа, где уже стемнело, над проносящимися на огромной скорости старыми деревянными столбами линий электропередач висит Луна. Белая, здоровенная такая. Иногда я смотрю на неё и задумываюсь, по накури, в основном: может, продать всё, опустить фирму на бабки и съехать на неё... А что? Раньше кто-то хотел свалить загород и жить подальше от цивилизации, но теперь это не вариант – цивилизация тебя даже из-под земли достанет. Кто-то мечтал свалить со шлюхами и коксом на необитаемый остров, но таких больше нет – они все скуплены богачами и коммерческими организациями, а некоторые их строят специально – такие острова из мусора в открытом океане. Так что новый оплот свободы сегодня – это Луна, грёбаный кусок камня в космосе, на котором тебя никто не достанет. К тому же билет в открытое пространство сегодня не так уж дорого стоит. Думаю, можно доплатить немного, чтобы тебя подкинули дотуда и скинули с небольшим количеством барахла. Я даже местечко себе уютное выбрал. Я бы построил скромное космическое ранчо в Заливе Согласия – это небольшая восточная территория в лунном Море Спокойствия. Я бы растил продовольствие на удобрении из собственного дерьма; распечатал пару дойных коз на 3D принтере; охотился бы на луноходы

с бейсбольной битой; а в свободное от работы время валялся бы на лунном песке и, потягивая через трубочку заправленный в систему водообеспечения скафандра самогон, смотрел бы, как в небе над головой, среди мрака и звёзд без устали вращается наша старушка – голубая планета с миллиардами суесящихся придурков на борту... Но позже я снова задумываюсь о Ней... И знаете, что подумал? А что мне там делать одному? Может быть, мне стоит взять Её с собой?..

Но как только в моей голове вспыхивают картинки, как мы гуляем с ней в скафандрах на фоне лунного пейзажа и вместе делаем ангелов на космическом песке, через зеркало заднего вида в глаза ударяют красно-синие мигалки, а сквозь шум ветра и мотора пробивается взывшая, но тут же захлебнувшаяся сирена. Я оборачиваюсь через спинку кресла и сквозь полумрак спустившегося вечера различаю на капоте сине-белого авто аббревиатуру: «HPPD».

«Мать твою, копы!» И кошусь очумевшими глазами на бардачок. Начинаю ёрзать на сидении, как шальной. «Давай, давай! Думай! Думай!» Я на измене. Уверен, из тачки позади видно, как я суечусь. «Что же делать? Что же делать?»

Сейчас объясню, что происходит. Дело в том, что я из тех чуваков, которые с собой в тачке полжизни возят. В багажнике можно найти: сменную одежду (в том числе два измятых костюма «Тома Форда» и «Ив Сен Лорана» со времён, когда я ещё не шился на заказ), спортивные костюмы (пара от «Серджио Тачини», которую я, возможно, никогда не стирал), плавки (со срезанным лейблом), двое очков (от «Гуччи») и ласты для купания. Короче, весь гардероб. (Да, иногда, когда я сам заглядываю в тачку, мне и самому кажется, что я собираюсь куда-то сбежать). Посмотрите в подлокотниках. Посмотрите, посмотрите. Вы там найдёте кучу всего, даже немного еды. Только будьте осторожны – срок годности давно истёк. А поскольку я очень люблю веселиться, мой бардачок (а может и не только он) забит всяким дерьмом в лучших традициях «Страх и ненависти Лас-Вегаса», только эфира нет. Зато есть такие вещества, о которых мистер Томпсон и не мечтал, но очень бы захотел попробовать, если бы, конечно, не вышиб себе мозги раньше времени...

«Так, о чём я вообще?» По-видимому, ТГК в моем центральном процессоре даёт о себе знать, поэтому я не могу сосредоточиться и залипаю на всякой вот херне. «Да, точно, копы!» Снова поглядываю назад. Полицейская машина с мигалками на фоне угасающего неба по-прежнему на хвосте. А куда же ей деться-то? В голове одна за другой всплывает парочка неплохих, но несвоевременных мыслей: «Нахрена я вообще вожу с собой всё это дерьмо?». Сразу следом: «И что же будет, если они найдут всё это в салоне, а после явятся с обыском ко мне в квартиру?». Перевожу взгляд на тёмную дорогу и подвожу итог: «Пиздец».

Сейчас всё объясню. Если вы думаете, что у меня с тачкой беда, то вы ещё не видели мою квартиру. Дело в том, что моя квартира из тех, где в холодильнике между молоком и виски стоит бутылка ГНВ. В ящике рабочего стола, для поднятия боевого духа, можно найти полкило белого порошка. На кухне среди вилок и ножей – пара тонн шишек и камней. А вдоль здорового панорамного окна с видом на город у меня выставлена целая коллекция нелегальных растений, за которую какой-нибудь антрополог из 70-х впился бы мне в глотку зубами: Датура (дурман, семейство Solanaceae), Акация чёрная (Acacia melanoxylon из вида Акация), Меконopsis ошетиненный (Meconopsis horridula), Шалфей предсказателей (Salvia Divinorum), Роза гавайская (Argyrea nervosa) и мой самый любимый малыш – Лофофора Уильямса. Но я называю его просто «пейотик» – маленький симпатичный кактус без иголок, в котором содержится мескалин. Только не подумайте, что я собираюсь его высушить и сожрать. Нет. Если мне вдруг понадобится мескалин, то я схожу в соседний двор и куплю его у парней в форме порошка.

Снова по ушам прокатывается сирена, и голос из громкоговорителя сообщает:

– Полиция города! Остановите машину.

– Щас, щас, – бормочу я и поглядываю то на дорогу, то на зеркала заднего вида.

Салон заполнен конвульсивным мерцанием красно-синих огней. Я включаю поворотник, сбавляю скорость, и тут меня пронзает гениальная идея:

«Да пошло оно всё!».

Как только полицейская машина вслед за мной съезжает на обочину, я неожиданно вдавливаю педаль в пол и, проскочив через встречную полосу, вылетаю на бездорожье. Мотор ревёт изо всех сил, я кручу баранку и, переборов занос, выравниваю тачку. Позади запоздало взывает сирена. Через зеркала я вижу, как полицейская тачка вылетает вслед за мной. Но она не вывозит, – фонтан песка из-под колёс, – и её закручивает и чуть не переворачивает на бок. Я верещу, как сумасшедший, бью кулаком в крышу и гоню во весь опор. А для того, чтобы меня вконец потеряли, я гашу фары, габаритные и свет в салоне.

Я уезжаю во тьму, подпрыгивая на кочках, и довольный растекаюсь по креслу... как вдруг в зеркале заднего вида в упор ко мне снова вспыхивают мигалки и коротко взывает сирена.

– Последнее предупреждение. Остановите машину!

Разумеется, я всего этого не делал. Я снова на дороге с жёлтой разделительной полосой, включаю поворотник и послушно съезжаю на обочину:

– Да щас, щас. Уже торможу!

Я не вылетал с трассы, не устраивал гонку в пустыне и не растворялся в темноте. Вместо этого я сделал несколько глубоких вдохов и решил, что в крайнем случае, как всегда, смогу всех уболтать.

Стук дубинкой в приоткрытое окно. Я глушу мотор и опускаю стекло на полную.

– Документы, пожалуйста, – раздаётся низкий голос.

Коп стоит к тачке так близко, и он настолько здоровый и высокий, что я даже не вижу его лица.

– Может быть, сначала представитесь? – предлагаю я.

Тогда здоровенная машина, на плечах которой трещат швы голубой рубашки с коротким рукавом, наваливается локтями на раму окна и практически залезает в тачку головой:

– Может, тебе ещё пива принести?

Твою мать, он что, следит за мной? Я натываюсь на этого копа в последнее время слишком часто. То просто мимо пройдёт, то тормознёт после клуба, то с дилером сделку сорвёт. И всё это на разных концах города. Точно преследует меня.

– Офицер, – я подглядываю на нашивку на его плече и на металлический бейджик с именем, как у дешевой порноактрисы: «Angel G.», – а вы не далеко от города? Разве здесь действует ваша юрисдикция?

– Моя юрисдикция действует везде, где только светит солнце, сынок.

На лице короткостриженного здоровяка отражается сияние приборной панели. Оно переливается у него на кромке тёмных глаз и на глубоких залысинах.

– Должно быть, у вас полно работы, – говорю.

Я пытаюсь хоть немного разрядить обстановку, но пока выходит не очень.

– Именно. А вместо неё мне приходится гоняться за тобой.

Пожилый коп продолжает сверлить меня взглядом. Он принюхивается к запаху в салоне:

– Чем пахнет?

Я с серьёзным видом принимаюсь вертеться по сторонам и принюхиваться:

– Не знаю, – а потом добавляю (кто же меня за язык тянул?): – Может быть, кусты кто-то неподалёку подпалил?

Ну что за придурок? Я возвращаю взгляд на похоронное лицо мужика. Он говорит:

– Ага. И вся зелёная трава сгорела.

А я смотрю на него и не знаю, что ответить. Не каждый день встретишь копа, который цитирует Писание. Он, недолго думая, задаёт следующий вопрос:

– А с глазами-то что?

Я кидаю взгляд на отражение в зеркале заднего вида:

– Да я пока ехал, старушку Адель слушал, расчувствовался немного. Понимаете?

– Смешно, – сказал он, ни капельки не улыбаясь. – Почему не останавливался так долго?

– Я же говорю – музыку слушал на всю громкость, не сразу вас заметил.

Здоровяк недовольно покачал головой:

– Всё никак не утомнишься? – говорит он грозным голосом.

Я меняюсь в лице. Вообще не понимаю, что он несёт:

– Вы о чём?

– О твоих выходках.

Старик продолжает смотреть на меня с таким серьёзным видом, будто видит насквозь. Аж в дрожь бросает. Он говорит:

– Может, стоит сунуть тебя в клетку за превышение скорости и вождение в нетрезвом виде?

– Да ладно, шеф! Пятница же! Меня друзья на побережье ждут, – показываю ладонью на дорогу, – собрались немного отдохнуть...

Но здоровяк прерывает:

– Или, может, тачку обыскать? Посмотрим, что в ней найду.

Он повернул широченную шею набок и покосился на бардачок. Не знаю, зачем я это сделал, но, словно расписываясь в собственной виновности, я тоже повернулся в сторону этого злосчастного бардачка, доверху забитого дерьмом. А когда я вернул на все 100% спалившийся взгляд, усталые глаза пожилого копа уже снова смотрели на меня. Он продолжил:

– Ты безответственно относишься к тому, что тебе дали. И ты даже не понимаешь, что из-за этого могут пострадать и уже страдают люди. Но помни моё слово, за всё это тебе предстоит заплатить, – он с мрачным видом закусил тонкую полоску нижней губы. – Дай сюда права, проверим, не натворил ли ты что-нибудь ещё?

Я без лишних слов полез в подлокотник и достал оттуда документы, пытаюсь не прихватить что-нибудь ещё. Вечер на побережье казался мне уже таким недостижимым. Я протянул карточку, держа её между двух тонких пальцев.

Здоровяк небрежно взял её, выпрямился и, зажав дубинку под мокрой подмышкой, снял с ремня планшет. Я внимательно наблюдал за ним через окно. Он стал что-то набирать, тыкая правами по экрану и время от времени поглядывая в них. Но, когда мимо нас с шумом пролетела тачка по уже совсем стемневшему шоссе, старик прервался и некоторое время провожал взглядом удаляющиеся красные огни. Затем что-то не слышно пробормотал.

– Всё в порядке, офицер?

Он не сразу, но снова покосился на меня и, даже не закончив проверку документов, снова облокотился на раму окна. Он сказал:

– Тебе повезло. Но помни, это не будет длиться вечно.

Станный мужик. Коп протягивает права, держа их между двух своих толстых пальцев, но, когда я собираюсь взять, он выпускает карточку из рук. Она проваливается куда-то между дверью и сиденьем. «Ну спасибо, говнюк». Когда я поднимаю глаза обратно к окну, здоровяка уже нет – он идёт к своему Форду. Я засовываю руку в щель и пытаюсь нащупать права, как вдруг слышу звук глухого удара и сыплющегося на асфальт стекла. Я высовываю голову наружу: «Он что, габарит мне разбил, гандон?» А здоровяк неспешно уходит к служебной тачке, шагая прямо по жёлтой полосе и убирая дубинку в кобуру рядом со стволом.

«Да пофиг, всё равно это лизинговое авто».

Засовываю голову обратно в салон, затем залезаю в подлокотник и достаю оттуда ещё один косяк и зажигалку.

Щёлк-щёлк.

* * *

Трек: Gorillaz (feat. Popcaan) – Saturnz Barz

Я глушу мотор и некоторое время тупо сижу в тачке. Позже встряхиваюсь и выхожу на парковку возле загородного дома, полную других дорогих машин. Иду к крыльцу и поднимаюсь по каменным ступенькам. Ещё на подъезде к вилле, которая больше напоминает трёхпалубный корабль из стекла, я заметил мерцание светомузыки и отголоски тяжёлых ударов, приводивших в движение все валуны в ближайшие несколько миль. У самого же дома грохот становится просто невыносимым.

Звоню в дверь:

«Дин-дон»

Звук слишком милый и уютный для той вакханалии, что творится за стеной. К тому же он слишком тихий для того, чтобы кто-нибудь услышал его. Добавляю:

«Дин-дон, дин-дон, дин-дон»

Пока жду, замечаю под ногами коврик с надписью: «Home Sweet Home». Интересно, этот «Sweet Home» переживёт эти выходные? Приглядываюсь повнимательней и понимаю: да, лизергамид ещё прёт – ворсинки ковра еле заметно выстраиваются в волнообразные узоры вокруг моих тёмно-фиолетовых ботинок.

Дверь неожиданно открывается – я слегка вздрагиваю и поднимаю глаза. Передо мной... угадайте, кто? Нет, не Нельсон. Это его пассия – та самая пухлогубая евреечка Кери Хершлаг. Она отыгрывает приятное удивление своими большими чёрными глазами и вскрикивает:

– Джейк! Это чудо, что я услышала звонок!

Как же меня бесит её голос. Я переступаю порог, чуть приобнимаю её и спрашиваю:

– Ну как вы тут?

– Да как всегда, – она отступает и по-детски разводит руками, – Нельсон уже нахрюкался, а дом полон незнакомых людей. Не понимаю, откуда он их берёт? Хорошо, что ты приехал, хоть одно знакомое лицо!

– Понятно.

Я делаю шаг по длинной светлой прихожей. После здорового зеркала мы проходим мимо аквариума у стены. В нем половина рыб плавает кверху брюхом. Наверно, какой-то умник поделился с ними порошком. Кери спрашивает меня на ходу:

– Ты чего так долго ехал? Задумчивый какой-то, случилось что?

Неохота ей ничего рассказывать, поэтому просто отвечаю:

– Нет, просто на работе застрял. Дел много было...

Мы приближаемся к концу коридора. Я спрашиваю её:

– Так и что, где наш малыш Нельсон?

Кери отвечает перед тем, как распахнуть большие двухстворчатые двери справа от нас:

– Должен быть где-то здесь...

Перед глазами открывается огромная гостиная, доверху забитая людьми. Кто-то танцует, кто-то просто бухает, кто-то уже готов – валяется в отрубе на диване. А в уши мне с новой силой ударяет музыка в стиле Нью Дэнсхолл.

– Пойдём, сейчас найдём его! – кричит Кери и, зазывая меня рукой, идёт в толпу.

Я следую за ней. Люди вокруг качаются вместе с музыкой, но не успеваю я сделать и пяти шагов, как замечаю в толпе слева от себя парочку танцующих девчонок. Они обнимаются, а та, что ко мне лицом – девчонка-азиатка с двумя пучками на голове, как у Микки, – замечает меня. Не отрываясь от дела, она провожает меня взглядом из-за спины другой, а я не могу оторвать от неё своего. Дьяволицы. Я смотрю на них до тех пор, пока моя шея не начинает похрустывать, и перед тем, как отвернуться, вижу, как эта девчонка-самурай закатывает глаза и скидывает руку музыке в такт.

– Когда свадьба-то?!

Кричу я в спину Кери. Я улыбаюсь, задавая этот вопрос, – это моя месть Нельсу за все его подставы. Она оборачивается и, дождавшись меня, переспрашивает:

– Чего?!

Она забавно хмурит брови, будто это помогает ей лучше слышать.

– Свадьба когда, спрашиваю?!

Подкидываю дровишек в огонь. Кажется, на этот раз Кери расслышала меня – по её лицу пробегает недовольство:

– Друга лучше своего спроси!

Кери отворачивается с постной физиономией и продолжает идти через гостиную, попутно глядя по сторонам. Она проедает плешь Нельсону по этому поводу, а он всё завтраками её кормит. Самое смешное, что он сам всё это замутил: сделал ей предложение, познакомился с её родителями (они ортодоксальные евреи). Он даже согласился на акт гиюра. Придурок даже специальную шапочку себе купил и Тору стал читать. Вот только он всё на тормоза спустил, как узнал, что ему обрезание предстоит сделать. Разумеется, его «ортодоксальные родственнички» не стали его раньше времени пугать.

– Да ладно тебе, – успокаиваю я его, а сам скалюсь во все зубы, – они же не каменным ножом крайнюю плоть тебе будут отрубать...

– А ты-то когда постоянную девушку себе найдёшь?!

Кери что-то мне кричит, но я не слышу что.

– Чего говоришь?!

Она смотрит на меня и чуть не налетает на какого-то чувака. Она повторяет:

– Отношения! Когда у тебя будут нормальные, взрослые отношения?! Тебе давно пора!

Где-то я это уже слышал? Я же говорил, они долбанулись вконец. А всё из-за того, что я постоянно сливаюсь с их семейных посиделок. Я был на парочке таких, тошно смотреть – Нельсона на них просто не узнать. Ведёт себя, как лоботомированный имбецил.

– Поверь, – я перекириваю шум. – Взрослые отношения никак не помогут мне повзрослеть!

– Вот, вот! Это ваша проблема: вы никак не хотите повзрослеть!

На моем лице появляется недоумение, приправленное ухмылкой: кто вообще мне это говорит? Девчонка, которая начиталась дешёвых женских романов? Ой, о чём это я, она же вообще ничего не читала! Одна из главных проблем нашего мира в том, что конченные идиоты считают конченным идиотом тебя. Слава богу, отвечать мне ей не приходится.

Кери замечает Нельсона – он с трудом удерживает равновесие на барном стуле возле стойки и болтает с какими-то молодыми девчонками по соседству.

– Посмотри-ка на него! Стоило лишь отвернуться...

Она целеустремленно подходит к нему и хватается за ухо, Нельсон начинает верещать. Эта маленькая пухлогубая евреечка поднимает его на подгибающиеся ноги и тащит ко мне. Нельс притворяется, что ему больно, а в перерыве между кривляниями сигнализирует тёлкам, с которыми болтал, типа: «Всё нормально, скоро вернусь». Но, заметив меня, он расцветает и прекращает представление, хотя Кери всё ещё держит его за ухо.

– Братан! Ты чё так долго?! И на телефон не отвечаешь!

Кери наконец отпускает его, и он лезет обниматься. Я кричу ему прямо в ухо:

– Извини, в офисе застрял! Обдолбался «LSn пять с половиной» и не мог вспомнить, как ходить!

Нельсон улыбается, от него несёт «Абсолютом». Он говорит, с трудом связывая слова:

– Прикольно! Молодцом!

Хлопает меня по плечу и орёт:

– А знаешь чё?! Знаешь, кого я вытащил сюда?!
– Ну!?
Ненавижу такие загадки. Но он не тянет кота за яйца:
– Роя!
– Ты серьёзно?!
– На полном! Я обещал сжечь всю его сраную мастерскую, если он не придет! Так он приехал иии... Ни за что не угадаешь!
– С бабой?! – подкидываю вариант.
Нельс мотает головой и расплывается в улыбке:
– С двумя! – и показывает на пальцах: два.
Что!? Строю обалдевшую рожу:
– Я думал, он вообще не понимает, что с ними делать!
– Я тоже! А бабы-то там, надо сказать, охо-хой!
И он показывает их прелести на себе. Но тут же получает затрещину от Кери. Я даже как-то забыл, что она тут. И, судя по лицу Нельсона, он тоже:
– Эй, ты чё?!
– Да ты просто охренел!
Какой же у неё писклявый голос, когда орёт. Нельсон говорит ей:
– Ну пусечка, это же шутки!
Он приобнимает её и гладит, а она, скрестив руки, смотрит в другую сторону. Он говорит:
– Ну же, Херушка! Не обижайся!
– Не называй меня так! – огрызается она.
А Нельс продолжает заискивать с таким искренним видом, что я бы давно уже его простил. Но подняв на меня взгляд, Нельсон на секунду сбрасывает маску и подмигивает ухмыляющейся рожей.
– Керюшечка моя, ты лучше не дуйся, а сходи наверх – там твоя подружечка Ева нажралась и вот-вот расставит ноги перед каким-то мужиком! А я даже не знаю, кто он такой!
Кери поворачивается к нему с обалдевшим лицом:
– Ты чё, серьёзно?!
– Да я хоть раз в жизни тебе врал?! – Вы бы видели его лицо. Сдохнуть можно. – Вот, вот, – он тыкает пальцем куда-то вверх на балкон второго этажа. – Я же говорю! Посмотри на взгляд этого маньяка!
На втором этаже у стеклянных ограждений, пошатываясь на здоровенных каблуках, стоит баба с отвратительной модельной внешностью (то есть дама на фотках выходит экстравагантно, а в жизни на неё больно смотреть). А ещё у неё коса вокруг головы обвита. Ох уж мне эти модные причёски. Она ржёт лошадиным смехом, аж сквозь бас доносится, и наваливается на бедолагу – чёрного высокого паренька в фиолетовом свитере и золотыми часами.
Кери тоже всё это видит:
– Во даёт!
А Нельс кричит ей в ухо:
– Давай, давай! Выручай подругу!
Вот только кого тут ещё выручать надо? По парню видно, что он не знает, куда деться – вертится по сторонам, как испуганный ягнёнок.
Кери бросает на Нельсона строгий взгляд и говорит:
– Ладно, я быстро! Только не заставляй снова тебя искать!
И шагает в толпу.
Нельсон провожает её взглядом, а когда она пропадает, накидывается на меня:
– По натуре я знаю, кто это! Он работает оператором у нас! Но коли прокатило, валим отсюда, пока она не вернулась!

Хорошая работа. Он хватает меня за шею и тащит за собой:

– Давай, давай! Пойдем, Роя разыщем! Он был где-то у бассейна!

Нельсон виснет на мне, чувствуется – еле на ногах стоит, и продолжает:

– Ты вообще давно видел-то его?!

Мы идём вдоль длиннющей барной стойки к стеклянной двери во внутренний двор. Каждое мгновение перед нами промелькивают люди. Я пытаюсь вспомнить:

– Пфф. Может, месяцев шесть-семь назад, если не больше! Теперь он у нас занятой парень – суперзвезда!

– Суперзвезда?! – продолжает Нельсон с дикцией заправского алкаша. – Не смейся мои Кельвин Кляйны! Он такой же асоциальный тип, как и ты, а не звезда! Вам лишь бы забиться в тёмный угол и подумать о какой-нибудь херне! Ваше вас не понимаю!

Ещё бы.

– Ну не всем же быть королями вечеринок и без усталости помелом своим трясти!

– А зачем ещё нужно помело, если им не пользоваться?!

Он достаёт язык и трясёт им из стороны в сторону. Выглядит отвратительно. Он продолжает:

– Лучше расскажи, как из Биг Сити добрался!? Пробки-то были!?

Признаться, уже задолбался его тащить:

– Ток на выезде! Но по пути я чуть в пару историй не влип!

Нельс вдруг останавливается:

– Погодь!

Он показывает мне указательный палец, типа: «минуточку», а затем отпускает меня и идет к стойке. Как неуклюжий медведь, он переваливается через неё и, разлѣгшись поперѣк столешницы на пузе, некоторое время шарит там. Штаны на его толстой заднице приспустились, и над торчащими Кельвин Кляйнами виднеется мохнатая копилка. Девчонки поблизости брезгливо отсаживаются подальше. Наконец Нельс достаёт оттуда полупустую бутылку скотча и с пьяной грацией разливает остатки в уже использованные стаканы, которые он взял справа от себя. Брякает пустой тарой о каменную стойку и возвращается. Он объясняет:

– Я не стал нанимать сюда барменов! Накладно выходило!

Он качается на ногах:

– Довези, комнату дай, денег заплати! Решил без них в этот раз!

Протягивает мне стакан. Я беру и осматриваю его в руке: на стекле отпечатки пальцев и розовой помады в форме отчетливо прорисовывающихся губ.

Нельс предлагает:

– За нас! Вздрогнем!

Я отвечаю тем же. Нельс закидывается, пуская золотистые струи скотча по бороде, а я вслед за ним.

– Аррр! – ревет Нельсон.

Делаю три больших глотка и занюхиваю рукавом.

На голодный желудок тяжеловато пошло.

– Так чѣ за истории ты говорил?! – Нельс забирает у меня стакан, возвращает на стойку, и мы идём дальше.

– Да меня коп тормознул... – отвечаю я, ещё кривясь от привкуса алкоголя в глотке, – а потом жесткую аварию на дороге видел...

Нельс шаркает ногами и качается, как на корабле:

– Авария?! Надеюсь, никто не пострадал! – перекрикивает он шум своей хрипотцой. – А копов этих драных я ваше ненавижу! Я же тебе рассказывал, как мы однажды...

И тут он начинает свою тираду. Нельсон, как всегда. Постоянно об этом забываю.

– ... и вот мы возвращаемся в Большой город...

Ему не интересно слушать других. Такие, как он, задают вопросы только для того, чтобы самому о чём-нибудь рассказать.

– ...так знаешь, что я ему ответил?..

А если ему не интересно, то я попробую рассказать вам. Может, вы послушаете?

Короче, после того, как тот здоровяк-коп отвалил от меня, я пыхнул (щёлк-щёлк), повернул ключ и рванул. Вокруг совсем стемнело, дорогу освещал только свет фар, а небо справа на горизонте лишь слегка озаряла полоса потухающего зарева. Но миль через пятнадцать я заметил быстро приближающиеся красные огни. Чуть сбросил скорость. А когда подъехал поближе, увидел тачку: она носом влетела в свежесформированный разлом на дороге (в этих широтах такое бывает, весь этот район вместе с большим городом стоит на стыке тектонических плит, поэтому сейсмическая активность здесь никого не удивляет), а жопа той тачки торчала колом вверх. Задние колёса поскрипывая всё ещё крутились... Короче, я узнал ту тачку: это была та развалюха с усталым парнем за рулём и наклейкой на заднем стекле: «Мы все избранные, других не бывает».

На встречной полосе стояла другая машина, в ней сидели люди, а водитель стоял у провала с телефоном у головы. Видимо, в скорую звонил. Он провожал меня взглядом, когда я объезжал дырень по бездорожью... Так что выходит, тот коп-здоровяк жизнь мне спас. Если бы не он, это бы мой маслкар торчал кверху задом, а моя кровь растекалась бы по торпедо и белым подушкам безопасности...

– С днём рождения!!!

Как только Нельсон выходит из дома, он вздрагивает, как идиот – компания справа взрывается поздравлениями и дует праздничными пищалками ему в рожу. Но он быстро находится: подпрыгивает, раскинув руки, и орёт, что есть силы, как старый пират, проглотивший пинту рома:

– Спасибо!!

Я невольно улыбаюсь, глядя на это и придерживая стеклянную дверь рукой. На ней остаётся отпечаток моей ладони среди множества других.

Когда мы отходим, Нельс спрашивает:

– Кто, блять, это вообще такие? Они даже не знают, когда у меня день рождения!

Я хлопаю его по плечу:

– Нельс, ты как всегда!

Мы на открытой террасе. Народу просто тьма, но музыка долбит уже потише. Люди толпятся вокруг бассейна, балансируя на краю, а кто-то уже плавает прямо в одежде. Нельсон вертится по сторонам, а потом кого-то замечает и тыкает пальцем в другой конец террасы. Он орёт мне в ухо:

– Кажись, Рой там, я вижу одну из его баб!

Я тоже вытягиваю шею и смотрю в том же направлении. У Роя бабы – я всё ещё в шоке, никак не укладывается это в голове. Нельс начинает проталкиваться через плотную толпу, образуя позади себя небольшой коридор. Он раздражённо извиняется и просит прощения, а в перерывах орёт мне через плечо:

– Да, кстати! Как ты выжил то вчера?!

Мне снова вспомнился вчерашний вечер. Этот сраный клуб и сползающая кожа на лице Рейчел... Аж поплохело.

– Да никак, – отвечаю я, продолжая следовать за ним. – Приехал домой, транков проглотил и вырубился, как труп. Даже на работу опоздал.

Нет ничего лучше, чем проснуться в луже собственных слюней и сквозь дебри коматозного состояния пытаться вспомнить: где ты, кто ты, и нахрена ты вообще здесь. А в моём случае ещё тыкать иглой себе в вену.

– Да уж, ну ты и устроил там! – Нельс лыбится через плечо, он натывается на других людей, но, по-видимому, ему уже похрен. – Ты, конечно, зря с балкона блеванул...

Перед глазами молнией вспыхивает: визжащие и шипящие твари на танцполе внизу.

Мне не по себе. Я судорожно оглядываюсь по сторонам. Кажется, меня флешбечит. А Нельсон продолжает:

– ... но я поговорил с управляющими. Они не держат зла! Даже наоборот, извинения приносят! А вот Кристи и Рейч от тебя в шоке!

Нельс оборачивается и дожидается меня. Он кладет мне руку на плечо и сообщает:

– Брат, у тебя есть отвратительное свойство отталкивать людей! Тебе нужно что-то с этим делать!

Правда? А я-то думал, что всем нравлюсь.

– Чё они сказали?

Сначала Крис потом Рейчел:

– Самодовольный придурок.

– Симпатичный парень, конечно, но козёл, каких не видала.

– А вот и он! Наш Рой Макклов! – орёт Нельсон.

Кажется, Рой – высокий худой парень у стеклянных ограждений, за которыми начинается пляж, – вздрагивает от испуга. Он смотрел на океан, проступающий сквозь мрак метрах в двухстах-двухстах пятидесяти отсюда, пока его не окликнул Нельсон. Он выглядит, как испуганная лама, чего не скажешь про двух хищных дам, которые тут же оплетают его с обеих сторон, как только мы подходим. Кудрявая чёлка, большие навывкате глаза под толстенными очками и впалые щеки... И всё-таки в нём что-то изменилось. Бледное лицо, странный потерянный взгляд. На веществе что ли сидит? Так или иначе он хотя бы стал нормально бриться и носить фирменные пиджаки. Если что, Рой у нас художник – это его мрачная картина висит в моём кабинете над пустым баром.

Нельсон говорит ему:

– Что как не родной? Поздоровайся с дядюшкой Джейком!

На его лице появляется скромная улыбка. Он протягивает руку, но я хлопаю по ней и вместо рукопожатия обнимаю его – как-никак мы старые друзья.

– Здравствуй, Роюшка.

Ему неловко, он хлопает меня между лопаток.

Мы обмениваемся парой фраз:

– Ты чёт совсем похудел.

– Ты тоже.

Как только расходимся, Нельс вклинивается между нами:

– Так, теперь позволь я представлю прекрасных дам!

Он показывает на ту, что слева, но понимает, что не в состоянии:

– Девчонки, я тут немного пьян, помогите!

Они по очереди представляются:

– Марй, – подмигивает мне та, что слева.

– Катрин, – а правая деликатно прикусывает соломинку, не сводя с меня серых глаз. Навскидку у неё в стакане «отвёртка» – водка с апельсиновым соком, но по большому счёту остались одни ледышки.

Я киваю обеим. Чёрная и рыжая. Ещё одни дьяволицы.

– А это Джейк! – кричит Нельсон, повисая на мне и похлопывая по рубашке на груди. – Он у нас просто отличный парень.

Снова он за своё.

– А вы знаете, дамы, – сходу продолжает, – что Рой стал известным благодаря нам?

Девчонки переглядываются между собой.

– Ты что, не рассказывал им об этом?..

Нельс разыгрывает пьяное удивление.

– Тогда пришло время вам кое-что узнать!

И хлопает перед собой в ладоши.

Да, кстати. Тут Нельсон прав, всё так и было. Это произошло где-то три-четыре года назад, когда про Роя Макклюва ещё никто не слышал. Могу рассказать, если хотите... Дело обстояло примерно так...

– Ну что, смог бы продать это? – спрашивает Нельс, а сам задумчиво мнёт бородку и подносит сигарету к губам.

Мы стоим втроем напротив новой картины Роя в его дешёвой мастерской на чердаке какого-то разваливающегося дома на долбаной окраине большого города.

– Я могу продать всё что угодно, – задумчиво отвечаю я, покусывая губы, – кроме этого дерьма.

На изображении две трагические фигуры, чем-то похожие на осовремененных Адама и Еву. На заднем фоне творится какая-то вакханалия в стиле Босха. Холст и масло. Краски ещё не высохли и пахнут. Хотя в том помещении пахло ими всегда. И сыростью тоже – крыша текла.

– Это не дерьмо! – взрывается Рой, нервно поправляя свои толстенные очки и морща шмыгающий нос. Задрот. Он обычно тихий и спокойный, как аутист, за исключением тех моментов, когда речь заходит о его работах. – Вы просто не понимаете!.. – И, как любой в жопу ужаленный творец, Рой пускается в долгие объяснения касательно своей картины, в основе которой, по его словам (если выкинуть всё лишнее), – критика современных социальных устоев. Впрочем, эта тема – общая для всех обиженных на жизнь пареньков, дошедших до ручки творчества.

– Рой, – я затыкаю его и показываю на картину. – Это всё очень сложно. Я же тебе сто раз объяснял: сегодня у большинства людей остался только рептильный мозг. Как с ним разобратся во всём этом?

– Джей дело говорит, – поддакивает Нельс, разглядывая картину уже в упор и пуская на неё дым от сигареты.

Рой только фыркает в ответ...

Не подумайте, мне очень нравятся его работы. Рой по-настоящему талантливый художник. Стиль у него такой, в лучших традициях Возрождения. Каждое движение пропитано трагизмом и античной эстетикой. Мазки – нежные, мелкие, мягкие... Но кому это нахрен нужно сегодня? Его бы лет на двести назад, и мы бы могли стоять и смотреть на эту же картину в каком-нибудь Лувре. Но сегодня это не формат. А оплачивать мастерскую и обед Рою нужно именно сейчас. Он уже тогда нам по десятке каждому торчал.

– По натуре есть у меня одна «индейка», но она не понравится тебе, Рой... – говорю я, потирая гладко выбритую щеку.

Я выложил свой план. Он основывался на стратегии уличной барыги: «Не толкнуть товар? Подмешай в него что-нибудь!»

– Эта охрененная тема!

– Вы чё, дебилы?

В двух словах я предложил добавить несколько элементов картине:

– Короче, берём краски поярче, аж ядовитые чтобы были. Масло не пойдет, латексную или акриловую надо. Бабе, – указываю на девушку на изображении, – пририсовываем член и яйца, а ему – сиськи, и с лицом что-нибудь делаем. В углах можно надписи в стиле граффити.

Я заявил, что это будет новое художественное направление:

– Смешение классики и поп или стрит-арта. Вернее, наложение одного на другое, – я зажмуриваю один глаз и вытягиваю руки перед собой так, чтобы закрыть стены этой раздроченной халупы и представить картину на выставке-аукционе, для которого она в общем-то и была создана.

Я назвал этот стиль:

– Вандальное искусство.

Не знаю, может, услышал где-то или сам придумал.

– Мать твою за ногу! Ты гений! – заявляет Нельс и хлопает меня по спине. Больно, сука.

– Вы оба больные... – объявляет Рой.

Разумеется, он не согласился сделать это.

Тогда нам пришлось взять дело в свои руки. Мы же должны были как-то помочь другу?

– Я проконсультировался с юристом, – говорит мне Нельсон. – Если нас застукают, это квалифицируют как проникновение со взломом. Но поскольку мы будем привлекаться впервые, и мы хотели помочь другу – отделаемся просто охренительно большим штрафом!

В ночь перед выставкой-аукционом мы решили пробраться в павильон. Для смелости мы долбанули чутка, и, видимо, переборщили – на полдороге к месту нас убило так, что наутро мы и сами не помнили: забрались ли мы туда? Сделали, что хотели?

Словом, мы очнулись у Нельсона в квартире с диким бодуном (он в те времена ещё не снимал тот обалденный пентхауз), и добавили слегка, чтобы поправиться, а днём, когда начался аукцион, мы врубили трансляцию торгов – она шла онлайн – и, продолжая следовать моему плану, зарегистрировались в качестве участников. И вот, на лоте 86 всё стало ясно. Представьте: после кучи чёрных квадратов и прочей абстрактной мазни на стенде появляется полотно с двумя классическими фигурами, как у какого-нибудь Рембрандта. Вот только они измалёваны так, будто до билборда добрался школьник-имбецил. Я сразу признал руку Нельсона. Молодым людям на изображении яркими красками (жёлтыми, красными и фиолетовыми) пририсованы помимо кучи нецензурных словечек: усы, фингалы, сиськи и два здоровых елдака, которыми они тычут друг в друга. Выглядело эффектно.

Даже через динамики ноутбука было слышно, как в зале воцарилась гробовая тишина. И только через секунд пять лихорадочно замерцали вспышки фотоаппаратов и зашумелись репортеры. Это был фурор. Нельс по моему сигналу дважды зарейзил ставку в ответ на мою, а потом дело само пошло. Конечно, это был риск – можно было обменять все свои кровно заработанные на эту мазню. Я чувствовал, как у Нельсона яйца втянулись, когда аукционист чуть не объявил на его ставку: «Продано!»

Да, таким когда-то был мой старый Нельсон, теперь же его яйца в руках этой пухлогубый евреечки Кери Хершлаг.

«... это новое направление. Классический стиль, с нотками ультрасовременного бунтарства...» – говорит какой-то ценитель в интервью после ивента.

Нельсон ржёт, чуть ли не задыхается. Он издаёт звуки, как подыхающая чайка, и сквозь них говорит, что жалеет о том, что его не было в зале:

– Я бы хотел увидеть лицо Макклюва!.. Сначала когда вынесли картину.. а потом – когда её продали за четыре ляма!..

Но самое смешное было впереди. Когда интервьюировали самого Роя – «Человека-сенсацию».

Нельсон всё ржёт. Я тоже бьюсь в истерике.

Девушка репортёр спрашивает какую-то фигню, а Рой отвечает:

«Это мой протест», – у него нервный, сдавленный голосок и взгляд «на две тысячи ярдов» мимо камеры, а шея вытянута, как у индюка.

Нельс никак не успокоится. Его смех напоминает скрип несмазанных дверей, а я больше не могу...

«Общемировой порядок меня доконал», – говорит Рой. У него усики, как у девственника, и здоровенные очки, да и вообще он выглядит, как школьник на выпускном в папином костюме (кстати, костюм одолжил ему я).

Нельс всё смеётся, а я задыхаюсь.

У меня больше нет воздуха...

Я умираю...

Умираю...

Что за идиоты?

Вот как-то так. С тех пор Рой Макклыв – общемировая звезда...

Нельсон толкает меня локтем в бок, возвращая моё сознание на террасу близ океана. Я поворачиваюсь к нему, слышу, как девчонки хохочут сквозь удары баса, а Рой стоит с лицом, будто ему на ногу кто-то наступил. Нельс подбирается к моему уху, он орёт в него так громко, но остальные, кажется, его не слышат:

– Джейк! Мы должны трахнуть их, чтобы насолить Рою! Ты одну, я другую! Согласен?!

Я не успеваю ничего ответить, как он вдруг вздрагивает, а затем сгибается пополам. Он во всеуслышание объявляет:

– Блин, чёт совсем хреново!

Хватается за рот и ещё раз вздрагивает, сопротивляясь рвотным позывам. Позже сдавленным голосом добавляет:

– Скоро вернусь!

И в этом полусогнутом положении смывается.

Я провожаю его взглядом, а потом возвращаюсь к остальным:

– Ну что, девчонки, выпить хотите?.. Жаль, а я вот сегодня напьюсь.

* * *

Трек: Oculus – Luke Howard

Я лежу на берегу океана на влажном от ночи холодном песке. Где-то слева в полутьме волны разбиваются о скалы с этим звуком: «Бдуф-ф-ф...» А потом снова: «Бдуф-ф-ф...»

Когда я только пришёл сюда, минут, наверно, сорок назад, я снял обувь и носки, и сложил один в другой, как учила мама. Я подвернул брюки и лёг здесь. На берегу океана. Вдали на горизонте виднеются грозовые облака. Кажется, они пучатся и медленно ползут навстречу. Изредка их озаряют вспышки молний, а за ними уже начинает набирать силу заря. Волны продолжают бить так ритмично, и солёная вода уже почти докатывается до меня...

Когда я пришел сюда, я начертил на песке лицо человечка, но его уже давно смыло. Такой счастливый, улыбающийся смайлик. Вышло не очень, но какая разница, его больше нет. Заря всё растекается, очерчивая тучи, но звёзды ещё виднеются над головой. Спокойно, только где-то там, позади, грохочет музыка, но удары баса развеивает лёгким ветерком.

Ухх, – прибойная волна обожгла льдом пальцы на ногах, а мазки перистых облаков высоко над горизонтом озарило красным. Я отползаю назад. От моей задницы на песке остаётся борозда, но ничего – её тоже смоем. Я снова укладываю под голову пиджак, который не снимал с самого утра, и располагаюсь поудобней. Но вскоре слышу скрип песка и голос вдали, слева от меня. Это Нельсон. Он разыскал меня:

– Вот ты где!

Когда он подходит ближе, то первым делом метает в мою сторону горсть песка. Но на меня ничего не попадает. Он обходит и, немного постояв, ложится в паре метров от меня:

– Куда снова пропал? Тебя там все ищут.

Он валяется на боку и подпирает голову рукой. Кажется, Нельс даже отрезвел слегка.

– Да я что-то подустал немного, – говорю я.

И перевожу взгляд на небо.

– Понимаю, тяжёлая неделя.

Я лишь усмехаюсь в ответ. Неделя. Если бы...

– Ты в последнее время совсем сдулся, – продолжает Нельсон.

Не сводит с меня взгляда. Чувствую это боковым.

– Не знаю, может быть.

– Не может быть, а точно! – уверяет он. – Это видно со стороны. Постоянно бродишь загруженный, всё время где-то в стороне. Если бы не я, ты бы уже давно ни с кем не общался.

Тут он прав.

– Так а нахрена это вообще надо? По правде сказать, эти игры в людей меня порядком задолбали.

Он продолжает говорить, а я бы посидел и послушал волны:

– Вот, об этом я и говорю. Брат, у тебя голова всякой ерундой забита. А тебе нужно расслабиться. Жить начать, понимаешь?

Опять он об этой фигне.

– Нет, не понимаю.

Вяло качаю головой.

– Я ж говорил, надо уметь радоваться тому, что имеешь. Оглянись вокруг, – невольно делаю это: сумрачный пляж, в небе над головой промелькивают тени чаек. – Завтра всего этого может не быть, чего тут непонятного?

Это как раз-таки и понятно.

– Вот только, Нельс, мне кажется, что у меня и так ничего нет.

Он немного затупил.

– Ты о чём вообще? У тебя есть дом, работа, друзья...

Перевожу на него взгляд:

– Я говорю о том, что не понимаю, правильно ли я иду.

Нельс задумывается:

– Так а кто это вообще знает?

Я возвращаюсь к мерцающим тучам вдалеке. Мне нечего ему ответить.

– Джейк, – продолжает он спустя некоторое время, – тебе нужно привести голову в порядок. Развеяться, отдохнуть по-нормальному, может, подлечиться немного... а потом глядишь, и всё наладится само. Девушку хорошую найдёшь, семью с ней заведёшь...

Господи, что он несёт?

– Семью? – с недоумением поворачиваюсь к нему.

– Ну да, а что тут такого?

– Блин, Нельс, ты вроде взрослый парень, а до сих пор веришь в эту херню...

Грубовато вышло. Зря я так. Как-то само вырвалось.

Он не отвечает. Обиделся – видно по лицу.

Я снова смотрю на небосвод. Он светлеет, но звёзды кое-где ещё горят. Тучи, кажется, всё ближе. Они разражаются молниями, и, вроде бы, их рокот уже доносится до нас. Или это бас?.. Я снова задумываюсь о Ней... Чуть позже вспоминаю, что Нельсон рядом (мне всё ещё неудобно перед ним) и спрашиваю:

– Знаешь, кто мне сегодня написал?

Он не сразу, но отвечает:

– Ну? – коротко так бросает.

– Ни за что не угадаешь,

Поддразниваю его.

– Чё тянешь-то?

– Элизабет, – отвечаю.

Нельс секунду морщится, но потом понимает, о ком я:

– Ты серьезно? – на его лице проступает искреннее удивление. – Сколько же вы не виделись? Лет семь?

– В точку.

Не понимаю, как у него иногда так выходит?

– Обалдеть не встать! И чего хочет?

– Встретиться, – говорю. – Она вроде как в большой город недавно перебралась...

Но Нельсон лежит и ничего не отвечает. Я поворачиваюсь к нему и вижу на его лице сквозь полутьму широченную улыбку. Он всё лежит и смотрит на меня, но потом неожиданно закидывает голову, бросив руку вверх, и, фальшивя на каждом слове, начинает горланить:

– Can you feel the love tonight!⁷

Вот придурок.

– It is where we are!

Секунду назад он дулся, а теперь это.

– It's enough for this wide-eyed wanderer...

Он перекачивается на спину и, зажмурив глаза, трясет кулачками перед лицом.

– That we've got this far!

Хватаю пригоршню песка, и кидаю ему в ноги:

– Слышь, заткнись!

– Да ладно, ладно! – он смеётся.

Я укладываюсь обратно на пиджак. Холодные влажные гранулы остаются у меня на ладони. Смешки Нельсона постепенно утихают, а позже, когда и с моего лица сходит ухмылка, спрашиваю его:

– Слышишь, Нельсон?

– Что?

Он снова переваливается на бок и ладонью упирается в висок.

– Да я хотел спросить. У тебя когда-нибудь бывает такое ощущение, будто мы все полые внутри?

– Ты о чем?

– Не знаю. Просто иногда мне кажется, что мы все пустышки. И на самом деле нас никого нет, – я ненадолго задумываюсь, прислушиваясь к себе. – Иногда у меня возникает такое чувство, будто мы все – чья-то дурацкая выдумка. Что настоящая жизнь где-то там, далеко, а это всё просто дурной сон... Бывает у тебя такое?.. – Я жду ответа несколько секунд, но так и не ожидаюсь: – Хотя, у кого я это спрашиваю? Ты ведь меня даже не слышишь, верно?

И поворачиваюсь к нему:

– Да, точно. И тебя тоже нет...

Вместо Нельсона на песке лежит манекен в его одежде: рубашке, джинсах и туфлях.

Я откидываюсь обратно и возвращаю на небо взгляд:

– И этого всего тоже...

Вдруг океан и весь песок на пляже начинает просачиваться куда-то вниз, словно через решето. Манекен Нельсона разваливается на части и его тоже утаскивает зыбучим потоком. Вслед за этим остатки звёзд вместе с красками рассвета начинают скатываться с неба, словно по стеклянному куполу, пока вокруг не остаётся пустота...

Здесь только я и больше ничего

⁷ Популярная песня Элтона Джона

Глава III

Сегодня.

Сегодня тот самый день.

Это первая мысль, которая приходит в голову, когда я просыпаюсь.

Стягиваю с себя тонкую женскую руку и скидываю одеяло. Пытаюсь выбраться из постели и случайно наваливаюсь на ногу второй. Но она лишь сладко промычала. Встаю, потягиваюсь и снова думаю об этом: «Сегодня тот самый день». А позади меня продолжают посапывать две дамы. Угадайте, кто? Ага. Чёрная и рыжая – те, что с Роем приехали. Но уедут, видимо, уже без него...

Выхожу на балкон и облакачиваюсь на поручни. Осматриваю внутренний двор – он по-прежнему в зеркальных лужах (вчера весь день лил дождь), и его пополам режет тень от дома. Утреннего солнца ещё не видно, оно спряталось где-то там, за виллой. Тихо. Только мягкий ветер, крик чаек и шум волн океана в метрах двухстах отсюда.

Я протираю глаза, поправляю волосы и ошупываю лоб – голова гудит немного. А потом задумываюсь, как же классно чего-то не ждать. Ты просто живешь, а потом что-то хорошее неожиданно сваливается тебе на голову. «Сегодня я встречу Её». Да, кстати, если вы не поняли, сегодня воскресенье. Весь вчерашний день я утопил в море бухла. Осталось только придумать, как скоротать сегодняшнее утро. Препараты не вариант, хочу вечером появиться свежим. Работа? С телефона неудобно, да и запариваться не охота. Девчонок будить – оборачиваюсь на них через стеклянные двери – тоже нет никакого смысла. «О чём мне вообще с ними говорить?». Но вскоре нарисовывается ещё один вариант...

Вдруг слышу, где-то внизу, подо мной, открывается дверь, и на середину двора выходит Нельсон. Он шаркает тапочками, на нём белый халат, а в руке дымящаяся чашка с кофе. Он останавливается, оказавшись на солнце неподалеку от бассейна, и, как капитан (укрывая в тени ладони глаза), сначала смотрит на океан. Потом в сторону солнца. А чуть позже замечает меня.

На его лице появляется широченная улыбка. У меня возникает ощущение, что это постер для какой-то рекламы. Он кричит, но не так уж громко:

– Хватит членом трясти! Надевай трусы и спускайся! Завтраком накормлю.

Не отрываясь от перил, отдаю ему честь:

– Слушаюсь, капитан!

Он брякает тарелкой с парой тостов передо мной:

– Держи, братан! – перекрикивает гул соковыжималки. – Здесь сыр, бекон, куриное яйцо и ни капельки глютена!

Принюхиваюсь. Пахнет и вправду ничё так. Нельс присаживается на край стола и продолжает:

– Читал недавно, что это очень вредно! – поднимаю на него глаза. Он объясняет: – Я про глютен! Эта зараза разрушает ЖКТ! Он с кишечником делает что-то не так! – Пока он болтает, вооружаюсь вилкой и собираюсь уже воткнуть её в тост, но в последнюю секунду Нельс вытаскивает тарелку у меня из-под носа: – Ну-ну! Подожди остальных... – И дальше заливает: – Так что глютен я больше не ем, и тебе тоже не советую, братишка!

– Лучше бы нажираться перестал! – вставляет Кери. Она вырубает соковыжималку, и её гул постепенно затихает.

А вообще про нажираться – это я хотел сказать.

На Кери тоже белый халат (как и у меня, и Нельса тоже), а ещё у неё полотенце на голове. Она суетится по кухне: сначала мыла посуду, теперь делает свежесжатый апельсиновый сок.

Нельс поворачивается к ней:

– Ну, детка, не начинай! Ты же знаешь, у меня сложная работа. Я же должен как-то переключаться после тяжелого дня!

– Ага, – оборачивается на него в полоборота. У неё в руке нож – она собирается раскромсать оставшиеся апельсинки. – А приставая ко всяким малолеткам, ты тоже переключешься так?

«Тук» – как только она отворачивается, раздаётся звук удара ножа о разделочную доску.

– Да не пристаю я ни к кому! Просто общаюсь, – продолжает Нельсон. – Мой психотерапевт говорит, что это профессиональная деформация. Я со всеми должен поддерживать положительный контакт!

Интересно, может у нас один и тот же мозгоправ? Мой тоже всякую чушь несёт.

Кери берет в руки наполовину пустой стакан из-под соковыжималки и только что разрубленный апельсин и поворачивается к нам:

– Вот смотри, какая деформация произойдёт, если ты продолжишь в таком духе. Представь, что это твои хуэвос.⁸

С остервенелым видом она сминает половинку апельсина – из сочной мякоти вырываются струи сока. Они брызжут во все стороны и стекают по её тонким, но жилистым пальцам. Тут я вспоминаю: Нельс как-то рассказывал, что Кери была первой ракеткой в команде при колледже. Ну и ручища у неё. Я же как-то упоминал, что яйца Нельсона у неё в руках? Но и сам не думал, что всё так плохо...

По лицу Нельсона видно – картинка расправы над его хуэвос стоит у него перед глазами. Он обречённым голосом произносит:

– Детка, это жестоко...

Выжав всё до последней капли, Кери идет к раковине, чтобы смыть апельсиновый сок с руки, покрывшейся вздувшимися венами, и говорит:

– Я тебя предупредила.

Нельс поворачивается ко мне и, глядя большими черными глазами, спрашивает:

– А ты будешь любить меня с деформированными хуэвос?

– Брат, если она сделает это с тобой, – отвечаю ему, – я дам тебе номер знакомого хирурга.

Сам сможешь выбрать себе хуэвос на любую форму, размер и цвет.

– А я думал, ты отомстишь за меня, – делает ещё более унылую мину.

– Нельс, ты видел её руки? Я к ней больше близко не подойду.

Зачем ей вообще соковыжималка? Она и так справляется отлично. Я перевожу взгляд на Кери – она, вытирая руки, подходит к электроплите и заглядывает в шипящую сковороду. Она говорит:

– У тебя здесь скоро всё сгорит.

Нельсон, как ужаленный, оборачивается:

– Точно!

И уже через секунду снимает всё с конфорки.

– Керюшка, тебе сделать? – спрашивает он, перекидывая лопаткой подгоревшие тосты в черную, глазурованную тарелку, с отблесками светлой кухни на гранях.

– Не, я соком обойдусь, – отвечает она. – Меня до сих пор мутит после вчерашнего, – снова включает соковыжималку и кричит мне через плечо: – А ты, Джейк? Сок будешь?

Я отвечаю:

– Не, предпочёл бы молоко!

– Молоко, так молоко! – перехватывает Нельсон. Он открывает ящик над собой, и оттуда неожиданно вываливается неаккуратно поставленный стакан, но Нельс умудряется поймать его: – Оп!

⁸ Huevos (исп.) – яйца

Когда стакан и пачка молока оказываются на столе передо мной, и гул соковыжималки снова утихает, я улавливаю скрип винтовой лестницы позади себя в середине холла. Это девочки. Черная и рыжая. Мари и Катрин. Они уже в купальниках – босыми ногами сходят на паркет и идут в сторону террасы через просторную гостиную, переполненную жуткими последствиями двухдневной вечеринки. Та, что идёт последней, рыжая – Катрин, замечает меня и делает так пальчиками, типа: «Привет».

– Эт чё? – спрашивает Нельсон, опускаясь напротив. – Они из твоей комнаты вылезли?

Я поднимаю плечи и развожу руками в стиле: «Ну как-то так».

– А я-то думал, чё Рой, как молния, отсюда вылетел, – продолжает он. – Как удалось-то?

– Уметь договариваться надо, – отвечаю и подмигиваю ему.

Он давит лыбу и тянет мне пять через весь стол. Я отвечаю: «Бах».

– Ну вы и придурки, – Кери садится рядом, отдает Нельсону стакан и пригубливает своей. – Он же ваш друг, – добавляет.

Нельс чуть не поперхнулся. Он отпил сока, и теперь у него на бороде светлые усы от пенки. Он строит возмущенную рожу:

– Какой он нам друг? Мы такое сделали для него, а он игнорирует нас по-чёрному с тех пор!

– Согласен, – поддакиваю я.

– Лучше дай, тебе усы вытру, – Кери натягивает на ладонь рукав махрового халата и стирает пенку с его лица. Зря, ему очень шло.

Мы наконец-таки принимаемся за тосты. Мой уже подостыл и слегка пересолен. Но в общем ничего. Хотя почти сразу о себе даёт знать изжога, которая просыпается из-за вчерашних кутежей. Кери, сидящая рядом, складывает одну ногу на другую и, покачивая белым тапочком на носке, смакует ярко оранжевый напиток. Вижу, как кусочки мякоти плавают в стакане. Я тоже запрапляюсь молоком.

– Кстати, я говорил тебе, – чавкая произносит Нельсон, – что меня приглашали на CNN работать?

– Неа, – жую и мотаю головой. – Чё, передумали, когда познакомились с тобой поближе?

– М-м, – промычал он, не открывая рта. – Сам отказался. Меня не устраивает политика канала, – говорит и откидывается на спинку стула с важным видом. – Ты знаешь, что они подбирают сюжеты и материалы в интересах заказчиков: государства и крупных конгломератов, тем самым манипулируя мнением людей?

Ещё бы, моя компания регулярно пользуется услугами их региональных подразделений.

– Врёт он всё, – говорит Кери, повернув голову ко мне. Полотенце на её волосах чуть поехало, но устояло. – Он посчитал и понял, что, если подсидит главного ведущего, то на своём канале будет зарабатывать в три раза больше в ближайшие пять лет, а на CNN его ещё не скоро повысят.

– Ну, детка, зачем ты так? – Нельс разводит руками, а лицо у него, как у обиженного ребёнка.

Она поворачивается к нему:

– Так а что ты постоянно выдумываешь на ходу?

– Ничего я не выдумываю, я и вправду так подумал!

– Ага, ну конечно, – отвечает она. – Позавчера мне совершенно другое рассказывал, – снова обращается ко мне.

И всё-таки забавные они. Кери прикладывается к стакану, а Нельс расстроено возвращается к еде. На несколько мгновений за столом воцаряется благоговейная тишина. Слышно только, как холодильник фурчит, и как на улице через приоткрытое окно поливалка обстреливает газон.

Но Нельсон не из тех, кто любит тишину (вернее он из тех, кто терпеть её не может), поэтому отломав вилкой очередной кусок пригорелого тоста и прохрустев им во рту, он снова заводит разговор с Кери:

– Малыш, а ты знаешь, что у Джейка намечается сегодня вечером?

Я скрипнул зубами.

– Нет. И что же?

Но до меня, разумеется, нет никому дела.

– И что же, и что же? У него сегодня свидание, – с заманивающим видом произносит он.

Я чувствую себя, как ребёнок, при котором разговаривают родители, делающие вид, что его не существует.

– Ну и с кем? – указывает кивком головы в сторону террасы. – С одной из этих?

Нахрена я вообще ему это рассказал?

– А вот и нет, – жуёт. – С одной девушкой, с которой они были знакомы ещё в университете. И да, у них там было всё серьёзно.

Стоит признать, он всё грамотно разыграл. Услышав это, Кери забыла даже поставить стакан (он висит в паре дюймов над столом) и у неё отвисает челюсть. С широко открытыми глазами и разинутым ртом она переводит взгляд с Нельсона на меня:

– Это чё, правда?

Не уверенно развожу руками типа: «Ну, вроде как, да».

Кери брякает стаканом о стол и начинает стучать ладошками по краю:

– Расскажи, расскажи, расскажи!

И смотрит на меня широко открытыми глазами. Нельсон ржет – по-видимому, над выражением моего лица.

– Да там не о чем особо рассказывать, – отвечаю.

– Ну конечно, – заявляет Нельсон. Кери молнией возвращается к нему. – У них там была настоящая любовь. Думал, потеряю парня.

– Так и что произошло? – её взгляд мечется между нами.

Я смотрю на Нельсона, будто сожрать его готов с говном, а он косится в мою сторону и объясняет:

– Дело в том, что у Джейка были сложные периоды в жизни. И в них он иногда совершал серьезные ошибки.

Тут он снова прав. Кери мигом остывает и разочарованно бормочет:

– Понятно.

Она поднимает стакан, но тут же грохает его обратно и поворачивается ко мне:

– Но в этот раз-то ты будешь вести себя нормально? – грозит пальцем.

Я киваю, как идиот.

– Не придуривайся. Я буду держать за вас кулачки. Ты же потом расскажешь, как всё прошло?

Снова киваю, но она не отстаёт:

– Клянись!

Поднимаю одну ладонь, а вторую кладу на остатки тоста, как на библию:

– Первым же делом, – отвечаю. – Клянусь...

* * *

Да, это было именно так, как я себе и представлял...

Просторный зал ресторана... Клетчатые скатерти и лица людей проступают в подрагивающем свете пламени свечей, что стоят на каждом столике... Довольно тихо, несмотря на то, что посетителей немало – полушэпот, и только пианист наигрывает на рояле, находясь слева в потоке света на небольшой эстраде...

Как только захожу, я сразу замечаю тебя и смотрю, не отрывая глаз, пока официант не отвлекает:

– Вы заказывали столик?

Я быстро спроваживаю его, но как только возвращаю взгляд, ты уже смотришь на меня. А я на тебя. Не сразу и не с первого раза, но на твоём лице появляется широкая улыбка: сначала уголки губ чуть поднимаются, но быстро опускаются от смущения, а потом ты не выдерживаешь, возможно, потому что я улыбнулся в ответ, и твоё лицо озаряется улыбкой. Моя дорогая Элизабет, ты почти не изменилась с тех самых пор. Ни капли не постарела – стала только красивей. Я наконец сдвигаюсь с места и иду к тебе. Твои глаза блестят из полумрака.

Перед тем, как сесть напротив, говорю тебе:

– Привет.

Смущение всё же овладевает тобой, и на твоём лице тускнеет улыбка. Ты отвечаешь тем же:

– Привет.

Сажусь и несколько секунд просто смотрю на тебя – не нахожусь, что сказать дальше. По-видимому, ты тоже. Но, кажется, мы всё читаем друг у друга по глазам. На твоём лице почти нет макияжа, только локоны завиты, и чуть подведены глаза. Но повторюсь: кажется, ты стала ещё красивее, чем тогда.

– Ну как твои дела? – не выдерживаю и наконец спрашиваю тебя.

Ненавижу эти вопросы.

Ты тоже как бы приходишь в себя:

– Да в принципе неплохо.

Ненавижу эти ответы.

Пустые слова.

– А как у тебя? – интересуешься ты и опираешься на руку. Твои тонкие пальцы касаются лица, а ясные глаза смотрят так внимательно.

Но я не знаю, что ответить. Поэтому отвечаю:

– Наверно, как всегда.

На твоём лице снова появляется улыбка, и я понимаю – ты понимаешь меня. Ты всегда понимала. Возможно, даже лучше, чем я сам себя.

– Так расскажи, какими тут судьбами? – И поясняю: – В этом городе?

– Как и миллионы других людей, – отвечаешь ты. – Работа.

Работа... – пару раз киваю.

– И чем сейчас занята?

– Знаешь, – ты опускаешь глаза, – это скучно, я не хочу об этом... Не для этого сюда пришла.

«А для чего тогда?» – но этот вопрос я задаю не вслух, лишь про себя.

И всё же, кажется, твои глаза отвечают:

«Увидеть тебя...»

А вместо этого губы шепчут:

– Если хочешь, лучше расскажи ты – чем занят?

– Я? – даже не знаю, что сказать. – Строю стратегии развода людей, чтобы увеличить прибыль производителей. Гнусная работа – гнуснее не найти, – признаюсь честно.

Ты некоторое время молчишь, но позже подмечаешь:

– Цинично и прямо. Как в те времена...

Я невольно опускаю глаза. Заметив это, ты пытаешься всё исправить:

– Так а ты когда перебрался сюда?

– Сразу после колледжа, – отвечаю я не сразу и смотрю на тебя. Кажется, ты всё это уже знаешь, но я продолжаю играть: – Мы с Нельсоном напару отправились сюда – покорять большой город.

Если ты хочешь чего-то добиться в этой жизни, тебе нужно ехать сюда – в сердце ада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.